

Кирилл Клеванский

Злая Ведьма
и
Малыш

Кирилл Клеванский

Злая Ведьма и Малыш

«Автор»

2026

Клеванский К. С.

Злая Ведьма и Малыш / К. С. Клеванский — «Автор», 2026

Та, что сжигала армии, теперь печет хлеб и торгует цветами. Сила, которой она захватывала города, сократилось до одного крошечного чуда раз в день. А времени, чтобы вернуть былое могущество почти нет. «Я знаю, ты услышишь мою историю от других. Поэтому расскажу ее сама». Анну боялись на всем Холодном полуострове. Первая Императрица Мирграда, Злая Ведьма, Хозяйка Теней и Черного Пламени, подчинившая целый полуостров. Теперь ее собственную силу запечатали чужие руны: притронешься к собственной магии и умрешь. Древнее существо предложило сделку: за год и один день обучить магии странного молчаливого мальчишку или лишиться дара навсегда.

© Клеванский К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Кирилл Клеванский

Злая Ведьма и Малыш

Глава 1

Цветы и солнце

Я знаю, ты услышишь мою историю от других. Они расскажут тебе все так, как вспомнят. Или же так, как захотят, чтобы приврать там, где не следует, и упустить то, что важно. Поэтому я хочу, чтобы ты все узнал от меня.

Ветер принесет тебе мои слова, и, может, когда-нибудь, в твоём далеком и светлом будущем, ты сможешь найти силы, чтобы понять меня.

Все началось во дворце, в яркую и светлую ночь, когда звезды забавно танцевали вокруг надменной и статной луны. Совсем обычная, прохладная ночь. Ни кровавого заката. Ни пожаров у подножья холма, ни зловещего предзнаменования. Совсем не сказочная ночь, в которой весьма буднично и в чем-то даже прозаично, без своих родителей осталась маленькая девочка. По воле случая ей не повезло родиться в семье наследников престола в эпоху дворцовых переворотов.

История, каких много.

Так что... пожалуй, я начну по-другому.

Оставим ночь, девочку и двадцать лет ее правления позади.

Я помню тот день, Малыш.

Помню так ярко, так живо, что смогу повторить каждый выкрик ликующей толпы, встречавшей нашу армию. Смогу нарисовать сотни причудливых солнечных зайчиков, так беспардонно и нагло скатывавшихся с черных лат моих верных Темных Рыцарей. А звуки труб... ох, Малыш, как же радостно пели трубы.

Люди бросали под копыта лошадей цветы. Они надевали на копья солдат венки. Барды и менестрели заполонили собой площади, дворики, и даже самые небольшие аллеи звенели льющейся из гуслей, флейт, рожков и труб музыкой.

Мирград... столица полученного мной в наследство царства, а ныне – Мирградской Империи. И, наконец, впервые за пятнадцать лет, название столицы отражало ее дух. Мы дошли, Малыш, мы дошли до Южного моря. А значит, больше никто и никогда не сможет жечь огнем факелов, топтать сталью подков и резать железом клинков наши земли.

Тебе расскажут, Малыш, что мы не были героями. Что мы завоевали весь Холодный полуостров вовсе не потому, что устали жить под гнетом соседей, а потому что цари Мирграда злы, как самые жуткие из представителей Навьи. И что я, их дочь, с детства была проклята Дивами и руки мои по локоть в крови, а мантию Императрицы мне сшили ведьмы из слез детей и вдов.

Когда-то давно, я бы сказала, что все это не так, Малыш. А сейчас... сейчас я просто хочу рассказать тебе историю.

– Императрица! – кричали люди.

Женщины в чепчиках и своих самых ярких платьях свешивались из окон стоящих вприценку домов. Мужчины надевали лучшие из костюмов, подпоясываясь широкими ремнями, и швыряли на дорогу шляпы. Все они радостно смеялись.

Столица праздновала. Жители приветствовали окончание войны, провожали в прошлое темные и страшные дни, и встречали обязательно светлое и ясное будущее.

– Императрица! – один за другим опускались на правое колено Темные Рыцари.

Мои верные воины, прошедшие со мной все годы сражений, десятки походов; пронесшие штандарты Мирграда через все земли от столицы и до Южного моря. Мы бились на полях Кантеми, мы брали приступом крепость Винского князя, мы пересекли Синюю Реку, мы прошли через Дивный Лес, мы сделали все, чтобы наши люди могли спать спокойно. Мы уходили в первый поход маленьким, слабым, поруганным и покрытым данью царством, а из последнего вернулись Империей!

Мои верные, славные Темные Рыцари... я все смотрела на то, как солнце играло отсветами на их помятой, побитой броне, покрытой легендами наших уцелевших соратников и жуткими байками поверженных врагов.

– Императрица! – гремели они под забралами латных шлемов.

Я потрепала шею Адвада. Шерсть слегка уколола меня через простое, алое платье и черный плащ-пальто, который неизменно подпоясывала широким ремнем. Не самый удобный наряд для верховой езды, но я не могла явиться на парад в собственную честь в местах уже ржавых доспехах и с посохом в руках.

Спрыгнув вниз, щелкнув невысокими каблуками по мостовой, я приложила ладонь к его мягкой переносице и притянула к себе чуть приплюснутую морду.

– *Тише, брат мой, тише,* – шептала я на ухо встревоженному толпой Адваду. – *Смотри на меня. Только на меня.*

Я заглянула в его зеленые, громадные глаза, напоминающие собой фарфоровые блюдца из далекого Истрида. Со шрамами на боках от баллист и арбалетов, с проплешинами, оставшимися от чужой магии, он все еще выглядел так же, как и прежде. Совсем как в тот день, когда я нашла его в потайной комнате Казны моих родителей.

Ладно, может быть не так же.

Черный крылатый котенок, который помещался у меня на ладони, теперь вымахал до двух метров в холке. Он весил больше тонны, ел прожорливее своры охотничьих псов, а его клыки стали толще моего запястья и длиннее наверхия осадного копья.

Один из Инэ, питомцев Дивов, проводивший в спячке сотни лет, пока наши пути не переплелись на первых страницах этой истории, которую, уж прости, я рассказываю тебе с середины... Он вселял страх в сердца тех, кто его не знал, и обожал проводить веселое время за играми с теми, кого любил.

– *Устал. Теплое солнце. Хотеть спать,* – произнес он на ломаном языке волшебного народа. – *Скорее спать, сестра. Но сперва пить молоко. И лежать на твоя колени.*

Адвад зевнул, отчего сгрудившаяся за спинами рыцарей толпа ахнула и, непроизвольно, сделала несколько шагов назад. Крылатый зверь встрепенулся. Уже мгновением позже рядом со мной, вразвалочку, сонливо шатаясь из стороны в сторону, шел небольшой кот с черной шерсткой и белым воротничком. И единственное, что отличало его от любого другого дворового любителя мышей и молока – наличие крыльев на спине.

Ученые мужи говорили, что законы мироздания не должны позволять Адваду летать, но настырному коту было плевать, и он, как только окрепли крылья, без устали бороздил небесные просторы. Я всегда находила в этом что-то поэтичное и весьма жизнеутверждающее. Надеюсь, найдешь и ты, Малыш.

Я улыбнулась своему брату, после чего повернулась обратно к башням Царского... ах, прости, теперь уже – Императорского дворца. В моем, столь внезапно закончившемся, детстве они выглядели едва ли не скорбнее покосившейся избы в побежденной засухой деревне.

Деревянные, гнилые, прославленные разве что воющими между их досок, одинокими ветрами. Теперь же, наравне с солнцем, горделиво сияло золото, отражая свет от мраморной облицовки. Оно одевало в пышные, пылающие небесным пожаром наряды многочисленные статуи, расставленные вдоль карнизов.

– *Матушка*, – я нашла взглядом прекрасную женщину, прислонившуюся головой к плечу мужчины – высокого, грузного, но с таким добрым лицом. – *Отец*.

Они всегда встречали меня из походов, и, в тот день, я надеялась, что еще долго не почувствую их тяжелые, каменные взгляды на своей спине.

Вместе с Адвадом мы остановились на ступенях крылатой лестницы парадного входа. Ненадолго прикрыв глаза и глубоко вдохнув, я попыталась изобразить на лице свою лучшую, самую добродушную и жизнерадостную улыбку, молясь Усладе, богине праздников и милосердия, чтобы у меня получилось.

– Императрица? – прозвучало со стороны рядов Темных Рыцарей.

Я сдержанно кивнула, после чего обернулась к толпе ликующих горожан. Солнце, такое теплое и родное, предательски метнуло особенно яркий луч мне в лицо, и я подняла ладонь, чтобы закрыть глаза. Толпа неверно истолковала мой весьма обыденный жест и тут же встретила его криками, рукоплесканием и целым взрывом из шляп, разноцветных лент и пышных цветов. Люди кидали их в воздух, плакали и смеялись, продолжая кричать и обниматься.

Раздались первые, робкие аплодисменты. Все нарастая и нарастая, они превращались в гул. В чем-то жестокий и даже неумолимый, он наваливался на мои плечи тяжелым грузом. Солнце нещадно светило прямо в лицо, вытягивая по площади Невинной Царицы длинные тени.

Они скалили свои зубастые пасти. Тянули ко мне острые клыки оскаленных пик вражеских пехотных шеренг, звенели мечами и булавами латных рыцарей, пыхтели пороховыми облаками заморских мортир и пушек.

Гул аплодисментов в какой-то момент зазвучал громом боевых барабанов, отдаваясь в ступнях топотом сотен ног, неумолимо марширующих по залитой кровью земле южного побережья.

– Императрица... – сквозь наваждение раздался голос одного из пажей. – Ваша приветственная речь.

Я не смогла.

Резко развернувшись, оставляя рукоплещущую толпу за спиной, я шагнула в распахнутые двери дворца.

– Закройте, – коротко приказала я, даже не смотря в сторону сгрудившихся вокруг меня слуг и личной гвардии с гербами Империи на нагрудниках.

Непривычное слово.

Империя.

Такое странное и почти незнакомое.

– Но, Ваше Императорское Величество, а как же ваша ре...

Я бросила один-единственный, короткий взгляд на тучного квартирмейстера, в таком забавном, немного пошлом в своей вычурности лиловом мундире и с цепочкой карманных часов, которую тот, зачем-то, прицепил себе на грудь. Может, намекал таким образом на орден? Только за что? За то, что всеми силами пытался сократить объем мучного на дворцовой кухне?

– П-прошу п-прощения, моя Императрица, – тут же склонил почти лысую, блестящую от пота голову квартирмейстер.

Ах да. Я вспомнила. Его звали... нет, все же забыла.

– Немедленно закройте двери, – приосанившись, без того раболепия в голосе, что прежде, он... пусть будет Пирожок, повелел слугам.

Те мгновенно засуетились и бросились выполнять распоряжение. Не то чтобы они не слушались моего голоса, но во дворце, как и везде, существовала строгая иерархия. И пусть я и находилась во главе, но слуги подчинялись приказам квартирмейстера – таковы правила. А то вдруг он бы смог меня переубедить, и им пришлось бы, прямо посреди нелегкого процесса запирания громадных створок, вновь начать их открывать.

И да, такими мыслями я пыталась отвлечь себя от отказывающегося покидать сознание неуместного образа своего последнего сражения. Ох, Малыш, как же я в тот момент надеялась, что произошедшее на берегу Южного моря, около единственной уцелевшей крепости – столицы княжества Волвос, действительно последний раз, когда мне приходилось использовать магию для...

Я слегка качнула головой, стараясь отогнать еще слишком свежие воспоминания.

– *Сестра. Голод. Можно я его съест?*

Адвад, сложив крылья на спине, терся о ноги квартирмейстера.

– Ох, господин Адвад, вы сегодня удивительно ласковы, – всплеснул короткими, тучными ручками главный по хозяйству во дворце.

Порой он, правда, забывался и убирал из данного предложения столь важное и благозвучное уточнение «по хозяйству», но одного взгляда было достаточно, чтобы напомнить Пирожку о его месте.

Квартирмейстер, на боку которого постепенно смыкались тени от сдвигающихся дверей, отсекая нас всех от продолжавшей гуляния толпы, наклонился погладить Адвада, но тот ловко увильнул и, уже через мгновение, вернулся ко мне на плечо.

– *Такой мягкий. Такой сладкий. Как булочка. Можно съест?* – мурлыкал, возможно, последний Инэ по эту сторону Спящих Гор.

Я окинула квартирмейстера оценивающим взглядом. Несмотря на свой весьма неприятный характер, страсть к кухне, распространявшуюся в том числе и на ее работниц, Пирожок умело поддерживал дворец в его нынешнем, грандиозном виде.

Он был полезен.

И если чему я и научилась за два десятилетия, так это то, что «дворец делали слуги» и разбрасываться людьми, только из-за того, что они, порой, порочны в своих слабостях – не приведет ни к чему хорошему.

– *Не сегодня, братец,* – прошептала я.

Слуги, только заслышав речь Дивов, мгновенно отшатнулись в сторону и поспешили спрятать взгляды, стараясь и вовсе делать вид, что меня не существует. И даже рыцари верной личной гвардии вздрогнули и слегка шаркнули латными ботинками по коврам, закрывавшим мрамор, доставленный к нам по морю.

– Аккуратней! – взвизгнул квартирмейстер. – Безмозглые вы жестянки!

– *Жаль, сестра,* – зевнул Адвад, демонстрируя куда большее число клыков и зубов, чем положено иметь обычному коту. – *Тогда спать. И молоко! И колени!*

Я улыбнулась, провела пальцами по шерсти Адвада и обернулась к рыцарям:

– Вольно, – коротко сказала я, и гвардия принялась разоблачаться.

Они снимали шлемы, обнажая обветренные, уставшие лица, покрытые шрамами и недельной щетиной. Вскоре к ним подоспели оруженосцы, а я, дабы не смущать воинов своим Императорским присутствием, направилась к лестницам.

Шаги звонким эхом отдавались среди полупустых коридоров. Я никогда не любила напыщенное дворянство. Возможно, из-за того, что именно из-за их непрекращающихся дряг и возни около трона погибли мои родители, а может, просто из-за того, что любила тишину. Так в бесконечном лабиринте пышных покоев, просторных залов и утопающих в блеске роскоши приемных – во дворце обитало всего несколько чиновников и эхо.

Да. Эхо.

Порой мне казалось, учитывая, как мало времени я проводила в столице, что именно это правило страной. Оно гулко разливалось среди мраморных плит на полу, стучало о древесные панели, укрывшие стены, и, порой, забавным образом щелкало о лепнину на потолке.

Я подошла к лестнице, коснулась пальцами лака на перилах и тонко улыбнулась.

Мои руки все еще помнили шершавую поверхность, порой царапавшую ладони. Сейчас же на перилах, даже не приказывая слугам зажечь свет, можно было рассмотреть собственное отражение. На меня, чуть искаженные изгибами древесины, смотрели яркие, голубые глаза, острые брови и чуть вздернутый нос. Черные волосы едва дотягивали до плеч, а небольшой подбородок выдавался слегка вперед.

Была ли я красива, Малыш? Не знаю, меня никогда не интересовал данный вопрос.

Сколько мне было лет? Я перестала считать на втором юбилее, Малыш, ведь ведьмы и колдуны не стареют. Как только наши глаза увидят двадцать смен зимы и лета, мы перестаем идти в ногу с остальными по тропам времен. Если, конечно, не откажемся от своего дара.

Так что я выглядела так же, как и всегда.

– *Сестра?* – потеряю о мою щеку Адвад.

– *Прости,* – я чуть прижала его к плечу и начала подниматься.

От первого этажа вплоть до Императорских покоев, стена пестрила портретами правителей Мирграда. От самого первого, прибывшего сюда, на полуостров, в полуразбитой лодке с двадцатью копьями дружины, вплоть до моих родителей.

Я даже не обернулась на них.

Никогда не любила именно этот портрет. Почему? Потому что завидовала той улыбочкой, смешливой девочке, которая держала своих отца и мать за руки и, тайком, корчила рожицу портретисту, из-за чего тот скрипел зубами в бессильной злобе.

На холсте, разумеется, ничего этого не отобразилось. Кроме, разве что, искренней улыбки. И именно она и заставляла меня всякий раз проходить мимо и не обращать внимания на картину.

Слуги, увидев меня в очередном коридоре, приветствовали с одинаковым почтением и неумело прикрытым страхом. Навстречу уже бежали те редкие чиновники с кипами бумаг в руках, которым требовалось срочно, обязательно сиюминутно, а может быть даже еще вчера, моя подпись или мнение.

– Моя Императрица, нам нужно решить...

– Не сегодня.

– Ваше Императорское Величество, требуется немедленно...

– Позже.

– Моя Императрица, возьмите, пожалуйста.

Я отшатнулась в сторону и едва не призвала свой посох, но вовремя опомнилась. Хотя, пожалуй, меня привело в чувство мертвенно бледное лицо круглощекого чиновника, осознавшего, какую глупость допустил.

Вот уже много лет я никогда и ничего не принимала из чужих рук.

– Анна.

Я резко повернулась к знакомому, сухому, немного скрипящему, совсем как половица в заброшенном доме, голосу. Его обладатель – высокий, статный мужчина с уже наметившейся проседью на висках, чуть скошенным набок носом, но весьма волевым лицом, ждал меня около поворота, ведущего к моему кабинету.

– Александр, – поприветствовала я своего Премьер-министра.

– *Вредный смертный*, – недовольно проворчал Адвад, едва не соскользнув с плеча. – *Можно я его съест?*

– Адвад, ты ведь знаешь, что я тебя понимаю? – Александр сверкнул белоснежной, но безумно наигранной улыбкой.

– *Знаю*, – только и ответил Адвад и закрыл глаза, ясно давая понять, что не намерен продолжать диалог.

– Моя госпожа, – Александр, одним только взглядом отгоняя слуг и чиновников, открыл передо мной двери, впуская в, пожалуй, единственное место на всем полуострове, где я могла выкрасть у злободневной суеты пару часов покоя.

Здесь обитали мои верные друзья – величавые шкафы из мореных дуба и сосны, украшенные резьбой в виде плюща, обвившего книжные полки с десятками гримуаров, трудов и спрятанных среди них романов. Их я, правда, не открывала уже очень давно...

Около витражного окна, протянувшегося от потолка до пола и от стены до стены, заваленный бумагами, трактатами о магии Дивов, планами приказов, прошениями и предложениями Парламента, покорно и верно дожидался меня рабочий стол. Удивительным образом он мне немного напоминал отца. Такой же массивный, молчаливый, всегда занятый работой, но неизменно радующийся самому факту моего присутствия рядом.

А в противоположной части уютное, местами замятое, давно уже требовавшее ремонта или замены кресло и банкетка, выглядящая немногим лучше. Но мне они нравились именно такими. Пусть и потрепанными, но теплыми и родными.

– Все завтра, господа, все завтра, – с неизменной улыбкой, редко когда покидавшей лицо, чем-то напоминающей помесь выдры и щенка, повторял Александр. Будучи выше почти на голову даже самого рослого чиновника, он всегда умел довольно споро усмирять излишний пыл крючкотворцев. – Императрице нужно отдохнуть.

– Но как же!

– Светлейший князь, вы...

Александр, игнорируя возражения, закрыл двери.

В кабинете воцарилась тишина. Впрочем, править ей оказалось суждено не так уж и долго.

– *Молоко!* – воскликнул Адвад и, спикировав с моего плеча, уже секундой позже жадно лакал из миски, стоявшей около бархатной подушки, на которой он спал... всегда.

Порой мне казалось, что если Адваду дать волю, то он и просыпаться будет лишь на пару часов в день. Чтобы поест, попить, вылизать свою шерсть и немного потереться о мою ладонь, а затем обратно дрыхнуть. Причем в тех позах, на которые, в теории, не должно быть способно ни одно позвоночное создание.

Имелся ли у Адвада позвоночник?

Хороший вопрос.

Я, сняв походные ботинки, босиком прошла по ворсистому ковру и встала напротив окна. Там, внизу, без усталости шумел долгожданный праздник. На улочки и площади уже выносили столы, накрывая белоснежными скатертями. Каждый приносил с собой самое вкусное и ценное, что удалось приготовить.

Купцы сидели рядом с трубочистами, дворяне пили пенную медовуху под локоть с простыми горожанами, и даже городская стража, приставив к стенам алебарды, громыхла легкими доспехами, отплясывая под песни менестрелей.

И цветы, Малыш, как же много было цветов. Они буквально усыпали столицу. Их подкидывали в воздух, разбрасывали лепестки по мостовым и набережным, дарили друг другу без всякой подоплеки. Девушки вдевали их в волосы. Мужчины в ленты у тульи на шляпах. И все радовались. Танцевали. Пили и смеялись.

Нежились в лучах такого яркого солнца, наконец окончательно сбросившего с себя весеннюю негу и теперь светившего столь отчаянно, что приходилось щуриться. Наступало лето. Сегодня первый его день.

– С победой, моя дорогая, – рядом, насколько позволяла ему довольно скромная храбрость, встал Александр.

Я едва дотягивала ему до плеча, но мне, когда мы оставались наедине, почему-то, он всегда казался очень небольшим. Даже миниатюрным. Странная иллюзия, Малыш, до которой, впрочем, мне никогда не было дела.

– Александр, – произнесла я ледяным тоном.

– Ох, прости-прости, – поднял ладони единственный человек на сотни километров вокруг, который мог позволить себе общаться со мной в таком тоне. – Просто хотел как-то тебя отвлечь от...

– От чего? – перебила я, наверное, чуть грубее, чем следовало.

Александр устало вздохнул и потер своими длинными, тонкими пальцами, больше подходящими пианистке, чем мужчине, узкую переносицу.

– Новости о том, что произошло на побережье, дошли до нас прежде, Анна, чем ты вернулась с победными штандартами.

«Нет! Бегите! Бегите! Скорее! Спасайтесь!»

Я отвернулась и усилием воли заглушила в памяти крики побежденного войска.

– Если бы ты не сделала того, что... сделала, то домой вернулось бы куда меньшее число наших солдат, Анна, – Александр дернулся было подойти ближе, но ему так и не хватило смелости. Ему ее, впрочем, никогда не хватало. – И ты это прекрасно знаешь.

Я горько усмехнулась.

– Каждый злодей всегда главный герой собственной пьесы, правда, Александр? – спросила я, чуть приподнимая бровь.

– Ты не злодейка, Анна, а первая Императрица Мирграда, – напомнил мне Александр так, будто я сама этого не знала.

– Расскажи это миллионам наших подданных, Александр, которые пугают моим именем своих детей.

– Главное, что им пугают детей наших врагов.

– У нас больше не осталось врагов, – покачала я головой. – Полуостров завоеван. Скоро мы построим военные верфи на побережьях как Северного, так и Южного морей. Засечные полосы уже почти соединены в одну линию, а фортификация на западе идет с опережением даже наших самых смелых представлений.

– Анна, – Александр, все же, сделал шаг вперед. – Мы это обсуждали уже сотню раз. Когда-нибудь, может, не сейчас, может, через пять лет или через десять, западные княжества перейдут через Спящие Горы. Они не потерпят *такого* усиления и укрепления Мирграда. Мы ведь теперь контролируем выход к двум морям! Никогда прежде, в истории полуострова, не случалось такого, чтобы оба морских торговых пути принадлежали одному государству. Они будут...

– Вынуждены напасть на нас, потому что с каждым годом их собственный страх, что однажды Мирград наберется еще больше сил, и нападём на них уже мы, будет лишь крепчать, – закончила я за Александра. – Не надо мне объяснять того, господин Премьер-министр, о чем я сама говорила за трибуной Парламента, когда отправлялась в первый поход.

– Тогда почему ты об этом забываешь?

Я повернулась в сторону Александра, и тот отшатнулся чуть назад. От него пахло дорогими духами из заморских, кислых фруктов и тепличных цветов, а еще страхом. Страхом, пожалуй, даже больше.

– С чего ты взял, Александр, что имеешь право о чем-то мне напоминать? – тени на полу чуть зашевелились, подчиняясь моей воле. – Если уж мы говорим про память, то не забывай, кто ты, и помни о своем месте.

Я уже думала, что Александр, как и всегда, сдастся и сменит тему, но не в этот раз. Возможно, за те полтора года, что мы провели в последнем походе, он, все же, где-то отыскал свой позвоночник. Возможно, там, где его потерял Адвад.

Немного странно прозвучало, Малыш, но я ведь, как теперь говорят, злая ведьма, Хозяйка Теней и Черного Пламени, а не поэтесса.

– Я помню, Анна, – твердо произнес Александр. – Каждый раз, когда ты исчезаешь за горизонтом с нашими войсками, я помню. Помню, что если ты не вернешься, то не пройдет и года, как здесь останутся одни только руины. Мужчин и стариков убьют. Детей угонят в рабство, а женщин...

Александр промолчал, но слова были излишни. Мы оба знали, как выглядит война. С одной лишь поправкой. Я видела ее собственными глазами, а Александр лишь читал отчеты, которые ему клали на стол ответственные лица.

– И каждый раз, когда тебя здесь нет, это я и другие министры, вместе с советниками и чиновниками, правим страной. Это мы отвечаем за то, чтобы люди были сыты и одеты. Это мы строим дома, боремся с болезнями, мором животных. Мы решаем, что делать во время наводнений и засухи. Мы. И я не умаляю того, чего ты добила, но ты добила этого не одна. Сегодняшний день – праздник для *всех*. И только ты выглядишь так, будто остались сутки до твоих похорон.

Я открыла было рот, чтобы, возможно, сказать что-то колкое и обидное, но не стала.

– Я не умру, Александр. Ни сейчас. Ни через десять лет. Ни через век.

– Да, Анна, – только и сказал Александр. – И когда меня не станет, то...

Он замолчал. Не смог договорить. Возможно, я поспешила с мнением о позвоночнике и храбрости.

– Ты не видел, – прошептала я, разглядывая собственные руки. – Не видел того, что видела я. Не слышал их криков. И стонов. И мольбы о помощи, Александр. Боги, как же они просили. Все они...

– И если бы ты не сделала того, что сделала, то молили бы уже мы и...

– Хватит! – крикнула я, заставляя замолчать этого настырного мужчину. – Да, ты прав. Не я одна построила Империю. Не я одна обеспечила нам мир и процветание. И я никогда не утверждала обратного, Александр. Никогда!

– Тогда...

– Но это на моем теле шрамов больше, чем на телах трех поколений мужчин в твоём роду вместе взятых! – я сжала кулаки и чуть ближе подошла к окну. – Ты с самого детства, все тридцать лет, что я тебя помню, мечтал об этой дрянной табуретке. Грезил о троне с того самого момента, когда наши отцы подписали бумаги о будущем браке. Ты! А не я! Я не хотела титула, Александр. Я не желала ни власти, ни войны, ничего из этого! Это была твоя мечта! Не моя!

– Анна, ты...

– Я! – снова перебила я, уже не особо отдавая себе отчет, что говорю. Даже у злых ведьм, Малыш, есть предел прочности. – Я двадцать лет, Александр! Двадцать лет провела среди солдат! Среди их бесконечной боли и лишений! Я двадцать лет слышала крики тех, кого мы отправили к предкам. Я слышу их и сейчас, – я закрыла глаза и приложила ладони к ушам, словно подобное могло мне хоть как-то помочь. – Каждый день, каждый вечер, каждый час я слышу их крики. Вижу их лица... всегда вижу... И нахожу силы терпеть лишь в понимании того, что я делала то, что *должна* была сделать. Потому что лишь у меня нашлись силы. Потому что это я заключила сделку. Потому что это я открыла Книгу Секретов. Но с меня достаточно, Александр. Мы добились того, к чему стремились. Полуостров наш. Больше не осталось врагов. А от тех, кто пожелает оспорить сей факт, нас отделяют моря и горы. И этого достаточно.

Мы какое-то время стояли в тишине. Почему я позволяла Александру разговаривать в подобной манере, Малыш? Может, потому, что, кроме стен дворца, о семье и счастливом прошлом мне напоминал кудрявый, черноволосый мальчишка, любивший воровать яблоки на аллее и бегать от сварливого садовника, грозящего пожаловаться нашим гувернерам.

И порой, глядя на Александра, я видела в отсветах его карих глаз те же блики, что и у мальчишки, которым он когда-то являлся. Но, порой, мне казалось, что замечала я их все реже и реже. Они меркли под саваном удушливой жадности.

– Ты, все же, решилась, Анна? – тихо, почти без всякой надежды, спросил Александр, тоже отвернувшись к окну.

Толпа ликовала. Били барабаны и гудели трубы. А у меня на сердце, Малыш, звенела бездонная пустота.

– Я сложу свой титул, Александр, – произнесла я еще тише, чем говорил он. – Власть в будущем, когда мы все подготовим и проверим, перейдет Сенату. От каждого ремесла, от каждого сословия, будут выбраны почтенные мастера, обладающие знаниями, опытом и уважением своих коллег. Мастера будут править по пять лет, после чего их сменят другие. Парламент будет распущен. Наследственная власть упразднена. Пусть Империей правят люди, которые в ней живут. А не господа в высоких башнях.

– Сенат... Сенат?! Да что ты, о великая ведьма-Императрица, знаешь о жизни простых людей?! Высокие башни... когда ты сама, Анна, в последний раз оказывалась где-то кроме как...

Александр вытянул ладонь и положил ту на стекло.

– И что ты планируешь делать? Спуститься туда... к людям, о которых понятия не имеешь? Когда ты в последний раз, Анна, находилась где-то, кроме как во дворце, на марше или в военном лагере?

– А я, наконец, сделаю то, о чем мечтала, – честно ответила я. – Я выполнила свой долг, Александр. И теперь хочу, хотя бы ненадолго, оказаться свободной.

– Свободной, чтобы что? Чтобы открыть цветочный магазин с трактиром? Это ведь даже звучит бредово. Анна, великая ведьма Мирграда, продает цветы и подает потным путникам похлебку.

– У каждого свои мечты, Александр, – напомнила я и позволила теням скользнуть вдоль ног *пока еще* Премьер-министра. – И берегись, старый друг, чтобы не наступить на мои.

– Анна... – протянул Александр и, ненадолго замолчав, продолжил. – Молю тебя, одумайся. Как только наши враги узнают, что ты решила отказаться от трона, они...

– Не ступят и шагу, – отмахнулась я. – Ты ведь и сам сказал, что слухи о произошедшем добрались до столицы прежде, чем сюда вернулись мы. Значит, они доберутся и до тех, кто может замышлять против нашей страны недоброе. Я ведь никуда не исчезну, Александр, и они будут это прекрасно знать.

– Да? И как долго, Анна, ты сможешь оставаться собой? – прищурился Александр, из-за чего на его лбу пролегло несколько глубоких складок. – Сколько времени, о великая ведьма, ты сможешь сдерживаться?

– Ты сейчас на очень опасной тропе, Александр, – предупредила я. – И то, что мы знаем друг друга с детства, не дает тебе никакого права.

– Мы обручены с детства, Анна!

– Это лишь формальность, – пожала я плечами.

– Да? Формальность? А что произойдет с этой формальностью, когда, пусть и через десятки лет, ты познаешь чужое тепло и вновь пойдешь в ногу со смертными? Что произойдет, когда ты откажешься от своей магии?

Я уже занесла ладонь для пощечины. А может, и чего-то большего, учитывая то, как высоко забрались тени по ногам Александра, но я сдержалась.

Я ведь уже говорила, Малыш. Нельзя разбрасываться полезными людьми, даже если, порой, они до боли неудобны.

Но Александр, опять, был в чем-то прав. Здесь, во дворце, а затем и на полях сражений, не думать о стремлениях сердца куда проще, чем там, среди невыносимо яркого и столь же далекого от меня мира. Всего одно, тонкое стекло между мной и ими, но при этом, порой, кажущееся настоящей пропастью.

Ведьма, в отличие от колдуна, владеет своими силами и не подвластна времени лишь до тех пор, пока по своей воле не отдастся смертному мужу. Почему так? Никто не знает. Возможно, кто-то из древних Дивов смог бы объяснить и рассказать, но волшебные создания редко общались с людьми. Да и зачем им.

Так что факт оставался фактом. Ведьма, возлегшая с мужчиной, теряла свои силы и доживала смертный век, а ее магия переходила сыну. Ведьмы всегда рожали сыновей. Потому что именно так на свет появлялись колдуны.

– Не переживай, Александр, что твой заветный приз уйдет кому-то другому, – с ядом на устах, ответила я. – Я буду беречь наш край и после того, как от тебя останутся лишь кости.

Я говорила абсолютно искренне. Никогда не понимала тех ведьм, кто оказывались так слабы, чтобы поддаться искушению. Отказаться от всего ради... чего? Так странно и так глупо.

Премьер-министр повернулся ко мне, вернее, даже качнул подбородком, глянув так криво и так надменно.

– После всего, что я сделал, Анна. После всего, от чего отказался, ты вот так решила поступить со мной.

– Поступить как? – удивилась я. – Ты один из богатейших людей по обе стороны Спящих Гор, Александр. И ты будешь свободен. У тебя впереди беззаботное и безбедное будущее, которое я тебе и создала. Ты на него сейчас жалуешься?

– Я жалуюсь на это! – Александр ткнул пальцем в собственную седину. – Мне тридцать пять лет, Анна! Ровно на три года больше, чем тебе! Вот только это *ты* выглядишь на двадцать! И это у *тебя*, как ты выразилась, вся жизнь впереди! Целые, если *ты* пожелаешь, века! А я потратил уже половину отведенного мне срока на то, чтобы создать самый эффективный Парламент, который только видела эта страна! А теперь ты хочешь у меня все отнять? Отнять то, что принадлежит мне?

– Александр, – произнесла я куда тише и спокойнее. – Именно поэтому я и хочу создать Сенат. Ты заблуждаешься. Ни Парламент, ни люди, ни страна тебе не принадлежат. Ты служил им. Верой и правдой. Может, не всегда совсем уж честно. Может, порой добывая выгоду и для собственного кармана, но все еще желая блага для большинства. Поэтому ты там, где ты есть. Но теперь твоя служба подходит к концу.

Александр сжал кулак и едва было не ударил им по стеклу.

– Ты грабишь меня, Анна. Прямо посреди дня. Как какой-нибудь дорожный бандит, хочешь отобрать все, что я создал, – сквозь сжатые зубы, процедил Александр.

Я вздохнула и покачала головой. Наверное, мне стоило признать, что тот веселый, всегда готовый помочь попавшим в беду мальчишка уже давно остался в прошлом. Но, Малыш, как же мне не хотелось прощаться с другом.

– Мне жаль, Александр, что ты все так видишь. Но я уверена, что пройдет время, и ты поймешь, что это было лучшим...

– Давай поженимся, Анна.

Я едва было не призвала посох и свою магию. И дело даже не в том, что именно сказал Александр, а в том, что он осмелился меня перебить. Таковую вольность я, покуда еще носила титул Императрицы, не могла простить.

– Этого никогда не будет, Александр, – отрезала я. – А теперь хватит пустых разговоров. Ступай.

– Мы будем править вечно, Анна. Ты и я. И мы перейдем Спящие Горы, и пройдем маршем по их землям, пока не дойдем до океана. А там, за ним, мы увидим новые края, которые подчинятся нашей короне. Моей короне. И тебе по мою правую руку.

Мне стоило, Малыш, понять что-то раньше. Может быть, даже не в момент того разговора, а еще прежде. Увидеть то жгучее чувство, что съедало Александра изнутри. Ту непостижимую жадность, которая подчинила себе моего друга. Но я была слепа. Слепа и глуха.

Потому что не услышала самого главного – того, как уже некоторое время не мурчал Адвад. Я повернулась к своему брату и увидела, что тот, лежа у миски с молоком, почти не двигался.

Я взмахнула рукой и произнесла слова, призывая посох и Черное Пламя, но что-то встало на их пути. Что-то темное и тяжелое упало мне на плечи и заставило рухнуть на колени.

Я подняла взгляд выше и увидела, как темнеют белки Александра, а его зрачки постепенно наливаются цветом раскаленных углей в молодом костре.

– Ведьмак... – с трудом прохрипела я. – Что ты... наделал... Александр.

Он заключил сделку. Сделку с Дивом. Но совсем не ту, что заключила, когда-то, я. Совсем не ту...

Некогда мой друг, а теперь чудовище в облике человека, наклонился и вздернул мой подбородок, придвинув лицо так близко, что я чувствовала его дыхание на своем лбу.

– То, что был должен, – прошептал он. – Как и ты. Каждые десять лет по одному младенцу в обмен на силу и вечную жизнь? Самый простой выбор, который мне только приходилось делать. А мы сможем родить много. Куда больше одного раза в десять лет.

Я попыталась дотянуться до ножа, спрятанного под широким поясом, но Александр щелкнул пальцами. Вспыхнули ярким, зеленым пламенем мои шкафы. Пеплом взвились книги и трактаты, а где-то среди них исчезала и старая сказка, которую мне в детстве читала матушка.

По ту сторону, на стенах, горели волшебные руны языка Дивов, сковывающие мою магию и силы.

– Я готовился к этому целый год, моя Императрица, – последние слова Александр произнес с неприкрытой, жгучей издевкой. – Не думай, что это просто блажь. Но, в память о детской дружбе, я дам тебе выбор. Ты либо отдашься мне сама и добровольно передашь мне корону, либо я *заставлю* тебя это сделать.

Я заглянула в его глаза, потерявшие последние остатки человечности. Где Александр отыскал путь в край Дивов? Как он нашел того, кто был готов заключить сделку, нарушавшую законы Двух Цариц? Как, всего за год, добился такой чудовищной силы? Все эти вопросы в тот момент меня абсолютно не волновали.

– Попробуй, – с трудом, едва проталкивая слова немеющим языком, произнесла я.

Александр натянул на лицо все ту же наигранную улыбочку и всплеснул руками.

– Сама выбрала, Анна. Я предлагал другое.

Он откинул борт камзола и вытащил из ножен длинный клинок, вырезанный из кости и покрытый рунами. Спокойно, даже нарочито медленно, он провел им по своей ладони, а затем, резким движением, вонзил мне в живот.

Я застонала от боли, но сдержала предательский крик. Он не добьется от меня такой привилегии. Никто, за все двадцать лет, не слышал криков Хозяйки Теней, и обезумевший от жадности чиновник не станет первым.

Но боль, постепенно, стихала, а рана стремительно затягивалась. Прямо на глазах кровь таяла розовым туманом, а рваные края стягивались. Вот только костяное лезвие, треснув, вдруг рассыпалось прахом, оставившим на моей коже вереницу символов.

Александр снова щелкнул пальцами, и письма на стенах погасли. Я тут же попыталась призвать посох и не смогла. Меня скрутила такая боль, о которой я прежде даже не подозревала. Будто каждую клеточку тела, от пальцев до кончиков волос, погрузили в кипящее масло.

Словно меня одновременно порезали тысячи листов бумаги, в ноги и руки вонзили мечи и копья, а в глаза воткнули длинные, зазубренные жала, попутно сжав голову чугунными тисками.

С трудом дыша, едва разбирая, что вижу, я отшатнулась к стеклу и тяжело задышала.

– Пока я не разрешу, Анна, ты не сможешь призвать ни Тени, ни Черное Пламя, – посмеиваясь, Александр отошел к креслу, к *моему креслу*, и нагло в него плюхнулся. – А если будешь усердствовать, то не добьешься ничего, кроме, разве что, своей смерти.

Я смотрела на него. На этого столь высокого, но, одновременно, такого маленького и, теперь уже, совсем не человека. Еще не монстр, но уже не смертный. Ведьмак. Создание порочного порыва и магии. Существо, которым, точно так же, как и мной, пугали маленьких детей, уча тех, кому стоит верить, а кому нет.

Жаль, что родители не успели рассказать мне о том, что враг предать не может. На это способен только друг.

– Гвар... – я пыталась позвать стражников, но те и сами пришли.

Мои верные Темные Рыцари. Девять, нет, десять воинов – облаченные в доспехи, они распахнули двери и вошли в кабинет.

– Господа, – Александр вальяжно махнул рукой. – Отведите нашу почтенную Императрицу в ее покои. Ее Императорскому Величеству нездоровится. И, думаю, ей потребуется... пара месяцев, чтобы осознать свое новое положение. И пусть она проведет их наедине с собой.

– Ваша светлость, – отчеканили рыцари.

– Что... что ты сделал с остальными? – с трудом спросила я, попутно отодвигаясь все дальше и дальше от опасливо приближающихся ко мне воинов.

– Корпус Темных Рыцарей был расформирован еще утром, Анна, – не стал скрывать Александр. – Уверен, найдутся те, кто не поверят в то, что завтра расскажут про твою болезнь народу. Будут и те, кто попытаются что-то разузнать и даже помочь, так что... именно поэтому всех, кто служил в корпусе, отправят в разные уголки Империи. Продолжать трудиться, разумеется, на благо народа. Ну а самых ретивых мы, так скажем, заставим исчезнуть. Конечно же вместе с семьями. Чтобы, как вы, моя Императрица, могли догадаться – не поднимать лишних волнений.

Я широко распахнула глаза. Мои воины. Мои верные воины, пролившие столько крови и принесшие столько жертв.

– Чудовище.

– Серьезно? – засмеялся Александр. – И это мне говоришь *ты*? После того, что сотворила на побережье?

– Чтобы выжило сорок тысяч тех, кому приказали нас остановить, монстр, а не чтобы захватить трон!

– Демагогия, – отмахнулся Александр, а предатели, облаченные в доспехи, которых не заслуживали, явно осмелели. – И, как видишь, я был прав, когда говорил, что тебе не стоит бояться пророчества той старухи. Как же утомительна была твоя привычка из-за этого ничего не брать из чужих рук, Анна. Но ничего. Скоро я тебя отучу и от нее тоже. Взять ее.

Рыцари рванули вперед, а я, наконец, добралась до не приметной ручки, открывавшей часть витража. Всем весом налегла на нее и... ничего не произошло.

Александр засмеялся.

– Я же сказал, дорогая невеста, что планировал все целый го...

Громадный, покрытый черной шерстью и шрамами, Инэ распахнул пасть и взревел, заставляя рыцарей упасть навзничь. Адвад взмахнул хвостом, но Александр успел призвать свой посох и окутать себя непроглядной, чернильной пеленой. Но даже так – удар Адвада выбросил монстра в коридор.

Мой брат, шатаясь, явно борясь со сном, вызванным отравой, бросился в мою сторону. Из последних сил, плохо разбирая, что вижу и что происходит, я схватилась руками за его шерсть. Адвад качнул могучей головой и забросил меня на свою спину.

Я помню, Малыш, как разбилось стекло, оцарапав мои руки и плечи. Помню, как кричали горожане, указывая на небо, по которому парил Инэ, уносящий прочь из столицы бывшую Императрицу.

Я помню тот день, Малыш.

И помню тот вечер, который оказался ничем не лучше дня, но об этом чуть позже.

Глава 2

Избушка

Про тот день я тебе уже рассказала все, что могла, Малыш, и возвращаться к нему мне больше не хочется. А вечер вышел ничем не лучше, и про него тебе тоже следует знать.

Адвад нес меня сквозь стынущее вечернее небо. Его огромные крылья все чаще сбивались с привычного ровного счета, дергаясь и трепыхаясь на каждом чересчур тяжелом взмахе. Где-то далеко внизу, скрываясь за горизонтом, оставался дворец с выбитым окном, через которое мы вырвались наружу. А вместе с ним исчезали разбросанные осколки и тонкий запах кислых заморских фруктов, навсегда отравивший для меня все на свете.

Остался лишь ветер.

На той высоте он скорее резал мне лицо, чем мягко обдувал его. Я помню, как мерзла. Лишенная своей магии, я больше не могла составить Адваду достойную компанию. И как же странно ощущался тот холод. Казался совсем чуждым даже нашим неизменно морозным краям, словно тянуло им откуда-то с дальнего, неведомого севера; из мест, где сроду не звучали голоса людей.

Колющие слезы стыли у меня на висках ледяными дорожками, и я не сразу поняла, что плачу вовсе не... даже сама не знаю почему, а от все того же ледяного встречного ветра и, может, немного, от непрерывной, выматывающей боли. Мои пальцы судорожно вплетались в шерсть на загривке брата, такую неожиданно тусклую и рыхлую.

Под ребрами у Адвада колотилось измученное сердце. Оно билось слишком часто и притом ощущалось невероятно слабым для такого громадного, могучего зверя. Будто бы стоит нам пронзить очередное облако, стоит обогнать следующую вольную ласточку, как Адвад свалился бы вниз. А вместе с ним я.

Но стоило мне поглубже вдохнуть стылый воздух, чтобы хоть как-нибудь дотянуться до своей запертой силы и удержать нас обоих в небе, как поперек груди тотчас натягивалась раскаленная проволока и руны проклятья Александра впивались мне в самую душу. Та сила, с помощью которой я двадцать лет маршировала по всему Холодному полуострову, теперь безучастно лежала во мне глухим, мертвым грузом. И за всякую попытку коснуться ее приходилось расплачиваться слепящей вспышкой боли.

– *Сестра...* – раздался усталый, едва слышимый голос. – *Устал... больше... не мочь...*

Крылья брата дрогнули в последний раз и, сложившись безвольными тряпками, подлюмились под нами. И без того стремительный ветер обернулся гремящей бурей, и мы провалились в холодную, смолистую бездну вечернего неба. Последним, что я тогда успела запомнить, были черные острые вершины сосен, рванувшиеся мне навстречу из густеющей темноты, а после мрак поглотил без остатка нас обоих.

«Пожалуйста... пощады! Пощады, Королевна!»

Очнулась я от запаха, еще прежде чем сумела открыть глаза или хотя бы пошевелить занемевшей рукой. Сверху, с потолка, тянуло сухой горьковатой пылью висевших там пучками трав. К ней, немного застенчиво, будто исподволь, примешивался густой смолистый дух тесаного соснового сруба. А еще глубже, под этими теплыми домашними ароматами, угадывалась прель старого древесного дупла, сырая и древняя, как сам этот окружавший избу лес.

Я узнала бы это место сквозь какой угодно наведенный морок.

Я лежала в избе моего давнего Учителя – той самой, куда меня, продрогшую десятилетнюю сироту, когда-то привела по снегу призрачная тропка, открытая мне Книгой Тайн.

Грубое шерстяное одеяло, пахнущее вперемешку псиной и полынью, кололо мне подбородок. Левое плечо стягивало тугим швом, и всякое неосторожное движение отзывалось в нем тупой, медленно разливающейся болью. Но куда страшнее недомоганий ощущалась поселившаяся во мне пустота.

Там, где всегда, сколько я себя помнила, ровно и горячо дышала моя магия, теперь зияла неприкрытая рана. И я, разумом и волей, все трогала и трогала ее изнутри, точно так же, как трогают языком саднящую лунку только что выпавшего зуба. Не пойми меня неправильно, Малыш, но я не помнила себя без этой силы. Я обменяла ее, когда-то, на собственное детство, и потерять нечто столь драгоценное было все равно что разом лишиться и зрения, и слуха, и самой кожи.

На короткий миг, против собственной воли, в моем сознании всплыла сцена из полузабытого прошлого. Вот я, заледеневшая и совсем одна на целом свете, стою на этом самом пороге, а из теплой смолистой темноты избы кто-то роняет мне навстречу всего два слова.

«Поздно. Заходи».

И мне, словно загнанной собаке, которой я тогда, сбежавшая от изменников во Дворце, и являлась, эта скупая, нелюбезная щель приоткрытой двери показалась едва ли не теплее материнских объятий. Следом я вспомнила и живой теплый комок шерсти, завернутый в мою последнюю одежду, а потом и тяжелый пыльный разворот ветхих страниц старой Книги под жадными, неумелыми пальцами уже не принцессы, но еще и не Императрицы.

И стоило мне поддаться воспоминаниям, как сквозь все это обжитое домашнее тепло я вдруг отчетливо ощутила холод. В жарко натопленной избе, поверх настоящего на травах уюта, по самому полу тянуло словно бы живой струйкой стужи. Она огибала тесаные ножки стола, неслышно крадась куда-то в дальний темный угол. Огонь в очаге послушно кренился ей вслед, будто почтительно кланялся пробежавшему мимо незримому хозяину.

Я с трудом приподнялась на здоровом локте и обвела затуманенным взглядом полутемное, приземистое жилище.

На широкой лавке у дальней стены, в ворохе сбитой ветоши, лежал маленький, жалкий, сжавшийся в тугой комок зверь. Мой брат еще дышал, но между одним его вдохом и другим

зависала такая долгая, мучительная заминка, что я всякий раз успевала замереть от ужаса, прежде чем впалый бок Адвада вновь приподнимался.

– *Брат!* – воскликнула я и едва не свалилась с узкой кровати.

Прежде густая и блестящая, его шерсть свилась грязными колтунами, и местами сквозь нее просвечивали обнаженные, в болезненных проплешинах бока. Огромный, привыкший заслонять меня собою от целого мира, Инэ внезапно оказался столь же слабым и потерянным, как и его собственная сестра.

Я кое-как сползла с теплой лежанки и, игнорируя острую боль в плече, опустилась рядом с ним на колени. Я зарылась дрожащими пальцами в этот тусклый мех, ожидая привычного звериного жара и озорливого:

– *Сестра?* – вот только мне ответила лишь тишина и сдавленное мяуканье. А там, под шерстью, я ощутила чужую, склизкую прохладу, какой не бывает и не должно быть в живом и теплом теле. От его запавшей мордочки тянуло кисловатым, нехорошим духом застарелой болезни, забивавшим собою даже сухой запах трав, хрустевших под самым потолком.

И я потянулась к нему так, как тянулась к этому миру всю свою жизнь. Так, как меня научили. Не руками, а самой своей сокровенной, потаенной сутью. Хотела расслышать сквозь его надсадный хрип измученное маленькое тельце и тихо, ласково попросить его воспрянуть, удержаться здесь, со мной, ожить наперекор всему.

Но едва моя воля скользнула за невидимую, столь привычную прежде грань реального и волшебного, как печать вновь дала о себе знать. Поперек моей груди плеснуло кипящим маслом; под ногти всех десяти пальцев разом загнали раскаленные тонкие занозы, и весь белый свет на долгий, нескончаемый миг померк от боли.

Я повалилась на жесткую лавку, рядом с угасающим братом, и долго лежала так, не в силах ни вдохнуть, ни заплакать в голос. Если бы я вообще вспомнила, как это – плакать.

Почти двадцать лет назад я нашла его вот таким же беспомощным комком. В потайной, забытой решительно всеми комнатке царской казны, где сама же и пыталась спастись от вероломной знати, разгоряченной успехом собственного заговора. С того самого дня мы не разлучались с ним ни на минуту. И в походе, и во дворце, он один на всем белом свете звал меня сестрой и любил безо всякой корысти.

И вот теперь я, Хозяйка Теней и Черного Пламени, злая ведьма, чья армия сравнивала с землей вражеские замки и крепости, топила корабли на реках и захватывала целые страны, не могла согреть и сберечь одно-единственное родное мне сердце.

Я еще не знала тогда, какую непомерную цену с меня вскоре спросят даже за одну только попытку его спасти.

Дверь избы, без единого стука, сама собой распахнулась. В дом ворвался тугой порыв стужи, мотнул на темном окне ветхую занавеску и пригнул к самому шестку игривое пламя в очаге. Там, на пороге, завернувшись в холодное дыхание бесконечной зимы его владений, стоял мой давний Учитель.

Я подняла на него глаза и, как водилось всегда, не сумела различить его лица.

Стоило мне всмотреться в какую-нибудь одну отдельную черту, как она тут же ускользала и расплывалась, словно я ловила усталым взглядом дрожащее отражение в быстро бегущей воде. И только глаза его сверкали твердо и ясно, отливая ледяным цветом зимнего неба в тот ранний предрассветный час, когда ночь уже отступила, но солнце пока еще не поднялось над восточным краем земли.

– Костлявая старуха бежала за тобой всю дорогу, принцесса, вплоть до самого моего порога, – без малейшей тени упрека проговорил он негромко, попутно разглядывая меня

сверху вниз. – Хорошо, что у твоего брата оказалось на диво упрямое сердце. И хорошо, что я смог его услышать.

Голос его словно звучал не из груди, а долетал до меня откуда-то издалека. Принесенный тем же самым сквозняком, так по-хозяйски стелившимся по полу. А когда учитель шагнул ближе к лавке, я заметила давнюю, знакомую мне особенность. Звук его шагов чуть запаздывал и доносился до ушей на короткий удар сердца позже, нежели простецкие лапти касались струганых половиц.

– Спасибо, что помог, – выговорила я, и в собственном голосе услышала не столько благодарность, сколько одну лишь ржавую горечь. – Хотя милосерднее было бы не вмешиваться, Див.

– Милосердие никогда не было моей сильной стороной, принцесса, и ты это знаешь, – ответил он спокойно. – Просто терпеть не могу, когда работа идет прахом.

– Стало быть, я снова чья-то «работа»? – тонко усмехнулась я. – За сегодняшний день я уже второй раз, старик, слышу нечто подобное.

Он не ответил на острый укол, а лишь перевел сияющий взгляд на свернувшегося комочком кота. Мне, как и прежде, не требовалось ничего спрашивать – Учитель заранее знал, что именно меня тревожило больше всего.

– Яд в нем непростой, замешанный на темной и недоброй ворожбе, – он наклонился, потянулся пальцами к шерсти Адвада, но так той и не коснулся. – Я придержал его, как сумел. Отвел твоего брата от самого края. Но выгнать эту отраву до конца уже не в моей власти.

– Не в твоей власти... не в твоей власти, старик? – процедила я сквозь плотно сжатые зубы. – Так же, как не в твоей власти было и все остальное? Или ты просто опять не хочешь вмешиваться, Див? Что для тебя жизни смертных, правда? Искра над костром и не более того.

Мне было больно, Малыш, и, может, поэтому мне хотелось, чтобы больно стало и Учителю. Но что Вечному терзания смертных.

– За все на свете положена своя плата, Анна, – он, кажется, даже не заметил моей тирады. – и за магию тоже. Особенно за магию... Зверь твой выживет и, когда-нибудь, снова вернет себе силы. Когда – не скажу, потому как сам не знаю. А большего покуда не проси.

В груди у меня поднялась злая, бессильная благодарность, смешавшаяся со старой, еще ученической колкостью. Это он когда-то показал мне изнанку мира и вложил в осиротевшего ребенка силу, которой пугают теперь по всем княжествам непослушных детей; это он сделал меня тем, чем я стала, и оттого я не умела понять, чего во мне к нему больше – той самой благодарности или давней глухой обиды.

Учитель никогда не был со мною ни добр, ни жесток – он попросту *был*, и наша с ним близость всякий раз напоминала мне родство огня и снега, не способных сойтись вплотную, но и расстаться им тоже, раз за разом, оказывалось не под силу.

– Ты всегда умел вовремя оказаться рядом и при этом ничего не сделать, – выдохнула я ему прямо в лицо.

Он лишь чуть склонил голову набок, не то соглашаясь со мною, не то едва заметно усмехаясь моей застарелой дерзости.

– А ты всегда, принцесса, легко находила самое сокровенное, но не замечала очевидного. В этом твоя главная беда. И, пожалуй, моя тоже, раз так и не сумел тебя научить.

И только тогда, наконец оторвав взгляд от учителя, я заметила в избе третьего. В дальнем, самом темном углу, на низенькой грубой скамейке, сидел ребенок и смотрел прямо на меня. Сидел он настолько неподвижно, что я не сразу отличила его от вороха теней, дрожавших по бревенчатым стенам. За все то время он... *оно* не моргнуло и не шелохнулось ни единого разу.

Дети так не глядят на чужих и страшных взрослых: в их живых глазах всегда хоть что-нибудь да промелькнет, страх ли, голодное любопытство ли, да пусть даже робкое ожидание. Но

его взгляд касался меня ровно и спокойно, будто он разглядывал не живого опасного человека, а далекую, ничего для него не значащую картину.

Та живая струйка холода, что без устали кружила по всей избе, доходила и до его угла – и неизменно обтекала мальч... это создание Дивов стороной, не тронув на нем ни единого волоска. Оно сидело посреди уютящегося рядом с нами тепла так, словно находилось не в самой избе, а на чьем-то выпцветшем рисунке этой самой избы. И ни жар очага, ни ползучая стужа, ни все столь разнообразные запахи дома его совсем не касались.

Между ним и всем живым миром словно пролегала тонкая, незримая преграда, да и сам мир, кажется, давно махнул на существо рукой.

– Кажется, ты заметила, – с улыбкой произнес Див, проследив направление моего взгляда. – Но вновь, как и прежде, не замечаешь очевидного.

Я смотрела на ребенка так, как привыкла за долгие годы войны смотреть на донесения лазутчиков и чужие крепости накануне приступа. Я холодно и трезво прикидывала, что он, собственно говоря, такое и чем способен оказаться мне опасен.

И все же где-то на самом дне этой расчетливой отстраненности что-то слабо и совсем непрошено дрогнуло, будто я уже видела этот странный, немного отчужденный взгляд.

Я тут же отмела пустую блажь, списав на мимолетное наваждение. Усталость, предательство, проклятье темной магии и крепкий удар о землю смутят даже самые ясные головы.

– Я могу снять с тебя руны, Анна, – сказал вдруг учитель, переводя взгляд на мой живот. – Печать Александра. Я могу ее развеять. Но тебе придется кое-что для меня сделать.

От услышанных слов мне сильнее всего захотелось достать нож и полоснуть им по избе. В конечном счете она ведь, как и сам старик передо мной, не была настоящей. А нет ничего более неприятного для Дивов, нежели железо.

Один раз сегодня я уже слышала нечто подобное, произнесенное тем же приторно заботливым тоном.

Но я промолчала, а старик, все тем же то свистящим, то ухающим голосом продолжил:

– За один год и один день ты выучишь этого мальчика слушать сокровенную суть вещей, – произнес он так, будто говорил о чем-то столь же обыденном, как... не знаю... сорвать цветок с клумбы. – Сумеешь – и в тот же самый час я развею чары Александра и к тебе вернется вся твоя сила.

Я прищурилась. Я всегда знала, Малыш, что нельзя верить никому из народа Вечных. Тем более – Дивам. Может быть, они, по законам мироздания, и не могли врать и всегда говорили правду, но тем не менее оставались лучшими лжецами.

Возможно, мне бы стоило научиться не верить еще и друзьям детства, но сделанного уже не изменишь.

– И в чем подвох, старик? – я отодвинулась чуть назад – подальше от этого странного существа. – Вернешь мне силу, но я не смогу ей пользоваться так же, как прежде? Или должна буду и дальше обучать твоих кукол или что там за тварь ты посадил в углу? Пожалуй, я предпочту просто сдохнуть.

Учитель и бровью не повел. Во всяком случае мне так казалось, потому что лица я все так же видеть не могла.

– Трижды будет сказано и трижды будет услышано, что я лишь сниму печать Александра и больше вмешиваться в твою жизнь не стану, – все тем же ровным тоном произнес старик.

«Трижды сказано и трижды услышано» – непреложный закон для всех Дивов. Если заставить их трижды ответить на какой-то вопрос или трижды что-то сказать, то они уже больше не смогут жонглировать своей правдой так, чтобы обмануть собеседника.

– А что до твоих слов о куклах, принцесса...

Он повел подбородком в сторону темного угла, где по-прежнему недвижно сидело молчаливое нечто.

– Он не из простых смертных, но и не из числа Вечных, – с небольшой заминкой продолжил Див. – Он не отсюда, Анна. И такого, как он, никто, кроме тебя, обучить не сможет. Я бы все равно, рано или поздно, обратился к тебе, но судьба, как ей и свойственно, имеет собственные планы.

Судьба... меня еще в детстве успели утомить вечные разглагольствования Учителя на тему судьбы. Я в нее никогда не верила. И мне было плевать, оставалось ли наше с ней чувство взаимным.

Если бы судьба действительно существовала, то маленькая девочка погибла бы еще тогда, двадцать лет назад.

– И что же он тогда такое, этот твой мальчик? – спросила я, покосившись на неподвижную маленькую фигурку. – Ты говоришь, что он не отсюда. Тогда кто его отец, кто мать? Где ты его вообще отыскал?

– Тебе незачем знать ни его роду, ни его племени, чтобы выучить его сокрытому, – *слишком* быстро ответил Учитель. – Знай лишь, что пришел он издалека и что времени у него отмерено ровно столько же, сколько и у тебя. Ни единым часом больше. Остальное только запутает тебя понапрасну.

Я коротко и горько рассмеялась, и тот тут же отозвался резкой болью в зашитом плече.

– Как же, старик, ты прикажешь мне его учить? – спросила я не без злобы. – Ты сам только что видел: я не в силах даже самые простые лечебные чары для Адвада сотворить.

Вместо ответа учитель сделал один-единственный шаг, пересекая им всю избу от начала и до конца. Сухой рукой, причудливо напоминающей ветвь плачущей ивы, он едва уловимо провел у самой моей груди, не касаясь при этом даже ткани платья.

Внезапно я почувствовала, как из тугого, в добрую сотню тонких нитей сплетенного узла, мертвым грузом давившего мне на спину, кто-то медленно и осторожно вытянул одну-единственную прядь. Все прочие остались на месте, безжалостно вращая в самую мою душу, но той одной не стало. И в стиснутой, скованной груди вдруг приоткрылась узенькая щелочка, через которую полился едва ощутимый ручеек моей магии. Но даже этого хватило, чтобы я задышала чуть свободнее.

– Отныне раз в день, от рассвета и до рассвета, ты сможешь сотворить самое простое и крохотное заклинание, – сказал он тихо. – Расслышать чужую свежую царапину и попросить ее затянута. Уговорить сонный уголек в остывающем очаге снова заняться огнем. Шепнуть брошенному в землю семечку, чтобы скорее проклюнулось к свету. Унять перепуганного зверя или заплаканное дитя. Но только ради другого. Не ради себя. И не во вред. Накрепко это запомни, принцесса.

Он промолчал, и уже знакомая вспышка невыносимой боли на миг ошпарила живот.

– А потянешься, как прежде, к своим Теням и Черному Пламени, руны убьют тебя в тот же самый миг. Этого я менять не стану.

– Предположим... – медленно проговорила я, не сводя с него глаз. – Предположим я снова что-то могу, но... я уже не помню, старик, когда в последний раз использовала малые заклинания. Семечки прорасти? Царапины закрывать? Я тебе какая-то деревенская ворожея, что ли? Чему такая, как я, способна научить ребенка, кроме как...

Я не договорила. Мой голос заглушили те проклятые крики, что ни на одну ночь не отпускали меня с проклятой битвы у Антуа.

– Разрушать умеет всякий, кому досталось в руки достаточно силы, – не дрогнувшим голосом, заставляя меня поежиться, отозвался Див.

Я лишь отвернулась в сторону. Не потому, что меня задела слова старика... да и что Див может знать о мире смертных.

– Чтобы проверить, как ты справляешься с нашей сделкой, принцесса, – старик поднялся и подошел к котелку, где тихонько булькало какое-то варево. – как и ты сама когда-то, так и это дитя пройдет три испытания.

Ну разумеется... ну разумеется все не могло быть так просто. Дивы и их вечные загадки...

– Хорошо. Пускай... Допустим, что я соглашусь, – проговорила я без особого энтузиазма. – Но что будет, если мальчик оступится? Кто из нас двоих заплатит за это – он или я?

– Ты, – сказал учитель просто. – Не пройдет он хоть одного из трех испытаний – и я заберу твою силу. Все, чему когда-то тебя научил. Все, что у тебя есть. Я все верну себе обратно. Ты останешься простой смертной, Анна. Мальчику же я не сделаю никакого зла. С него и взять-то пока нечего.

Я лишь горько усмехнулась.

– Стало быть, я должна поставить на кон всю свою жизнь, поставить Империю, с которой Александр за год успеет сотворить... да я даже не знаю что... И все это ради чужого молчаливого ребенка, которого впервые вижу, – медленно произнесла я. – И от того, сумею ли я научить его за год тому, чему ты учил меня все три, зависит... зависит... вообще – все?

– Ты верно поняла мое условие, – ровно кивнул он.

– А испытания твои – какие они? – спросила я, по старой привычке выпытывая у будущего противника, раз уж старик теперь предстал передо мной именно в этом свете, все, что тот готов отдать. – Когда ты придешь и чего станешь требовать от этого... *мальчика*?

– Приду без зова, когда сам сочту нужным, и в лицо не назовусь, – ответил он. – Чего потребую – увидишь в свой срок, и ни единым мгновением ранее. Скажу тебе лишь одно наперед: его будущие способности подчинять себе ветра и камни, умение ходить среди облаков или оживлять тени мне без надобности. Этого я уже с лихвой рассмотрел в твоём исполнении.

Я посмотрела на Дива, немного вальяжно помешивающего варево в котелке, которого на самом деле не существовало, в доме, где я, по сути, никогда не бывала. Такая вот магия Вечных. Все, что видят глаза – лишь ложь и обман. Нечто нереальное, но оттого не менее материальное.

Прости, Малыш, что так странно звучит. Дивов нельзя ни описать, ни нарисовать, их можно только увидеть, при этом ничего не видя.

– Зачем тебе все это, Учитель? – спросила я тихо. – Какое тебе дело до странного мальчишки? Зачем тогда, раз не хочешь помочь, ты двадцать лет назад вложил силу в осиротевшую девчонку, а теперь, когда та ей требуется больше, чем когда-либо прежде, заставляешь играть в какие-то дурацкие игры? Ты хоть понимаешь, чем это все грозит? Не только мне самой, а всей Империи! Ответь! Потому как в моих глазах ты сейчас мало чем отличаешься от жадного до власти идиота, продавшего душу Темному Диву. Так что, если, в кои-то веки, заблагорассудится твоей Вечной голове, ответь мне хоть один-единственный раз. Ответь нормально. Без своих постоянных головоломок и загадок.

Он долго молчал. И пока хранил тишину, живая струйка стужи на полу будто окрепла и покрылась легким инеем, а пламя в очаге пригнулось почти к самым углям.

– У меня свои причины, Анна, – обронил он наконец, и в голосе его не прозвучало ни гнева за мою дерзость, ни желания как-то оправдаться. – И, поверь, больше всего на свете я бы хотел тебе их объяснить. Хотел бы, чтобы ты могла меня выслушать и понять. Но я не смог добиться этого за три года и три дня, что ты провела со мной в стране Вечных, так что вряд ли у меня получится что-то изменить всего за один смертный час. Но я верю или даже... надеюсь, что придет срок – и ты, быть может, поймешь их сама. А покуда тебе довольно знать одно: зла я тебе не желаю. И все, что делаю – делаю лишь из любви к той маленькой, измученной, но очень доброй девочке, оказавшейся в стужу на пороге моего дома. Верить мне или нет – твой выбор, но это так.

Я смотрела на его спину и прекрасно отдавала себе отчет в том, что пытаться что-то разузнать у изворотливого Дива, все равно что кулаками по ветру молотить.

– А ведь я была немногим старше его, – проговорила я чуть глуше и с чуть более осязаемой горечью. – И чему же ты выучил меня тогда, Учитель? Помнишь? Ты научил меня, как оживлять тени, призывать пламя и бури, не щадить ни себя, ни других. А теперь ты требуешь, чтобы я учила это непонятное создание чему угодно, но только не тому, чему наставлял меня ты сам? Откуда же мне взять то, чего мне самой не дали?

Он обернулся через плечо и долго смотрел на меня своими светлыми глазами. И впервые за весь вечер в них словно что-то дрогнуло. Только слишком глубоко запрятанное, чтобы я сумела разобрать, что именно.

– А кто сказал тебе, принцесса, что отдать можно лишь то, что прежде получил сам? – обронил он совсем тихо. – Реки берут начало не из других рек, а из голого камня да талого снега. И я точно помню, что учил тебя совсем иному... Обо всем, что ты перечислила, трижды будет сказано, ты узнала сама.

Слова застряли у меня в горле непривычным горьким комом, и я так и не нашлась, что ему на это ответить.

Я перевела тяжелый взгляд с него на чуть слышно, через силу дышащего Адвада, потом снова на безмолвного ребенка в углу, и наконец опять на занятого помешиванием Учителя. Где-то в темноте за спиной, на лавке, делал свой тяжкий, прерывистый вдох умирающий брат, а впереди, за скупыми словами учителя, маячила одна только запертая магия и загубленная Империя, ради которой я...

Могла ли я отказаться?

Так же, как и двадцать лет назад, могла не возвращаться обратно во дворец.

Иными словами – не могла.

У меня был долг, Малыш. Перед родителями, перед родиной, перед, в конце концов, самой собой. Я на протяжении двух долгих десятилетий строила нашу страну не для того, чтобы ее в одночасье разрушил какой-то безумец!

Никакого выбора у меня не было. Ни тогда, ни сейчас. И мы оба прекрасно это понимали.

Я пыталась увидеть эту сделку холодно и по-солдатски, как прежде видела сотни безнадежных битв. Увидеть, отбросив в сторону и уязвленную гордость, и застарелую обиду.

На одной чаше весов лежала вся моя сила, а с нею и любая надежда однажды поквитаться с тем, кто меня предал, и вернуть Империи шанс на светлое будущее; а на другой оставались чужой молчаливый ребенок и целый год жизни, о которой я понятия не имела.

Но за свою жизнь я оказывалась и не в таких тупиковых ситуациях, а после все равно находила узкую лазейку там, где ее не видел больше никто.

– Хорошо, – наконец-то произнесла я тем же тоном, которым когда-то отдавала приказы своим рыцарям отправляться в атаку, из которой не всем им было суждено вернуться обратно. – Год и один день. Я выучу твоего мальчишку, а после забуду и про него, и про тебя, старик, как про страшный сон.

Я сказала это так, будто речь шла об очередной зимней кампании на западных рубежах, и тогда еще совсем не догадывалась, Малыш, что соглашаюсь вовсе не на то, о чем думала.

– И вот еще что. Напоследок, – произнес учитель, и его голос будто долетел до меня откуда-то совсем издалека. – Помни, что жить тебе придется отныне так, как живут на белом свете простые смертные люди. За голову беглой Императрицы скоро посулят столько золота, что искать тебя кинутся по всем дорогам и весям, заглядывая под каждый придорожный куст. Хлеб, кров и то, что смертные называют деньгами, добывай теперь сама, своими руками: ни титула, ни казны, ни магии и ни единого воина за спиной у тебя больше нет.

Я слушала его и все никак не могла взять в толк, как женщина, что недавно повелевала целой империей, станет выпрашивать себе ночлег и краюху хлеба у вовсе незнакомых людей.

– А что с Адвадом? – спросила я.

– Как я уже говорил, он выживет, – терпеливо повторил учитель. – К утру встанет на лапы и понемногу наберется сил для дороги. Но вольным открытым небом ему теперь полетать доведется еще очень нескоро. А теперь пойдем. Провожу тебя, принцесса.

Уже у самого порога, когда холодная стужа снова потянулась было ему навстречу, учитель остановился и обернулся ко мне ненадолго.

– И запомни самое главное, Анна, – его глаза внезапно затянулись той самой лазурью, от которой теперь придется отказаться моему брату. – Когда настанет самый важный час, то не повтори своей ошибки.

– Это какой такой ошибки? – спросила я, теряя терпение. Бесконечные загадки Учителя успели надоест мне еще в детстве.

– Скажи я тебе прямо – ты не поймешь и за сотню лет, – ответил он. – А сама за один год и один день, быть может, еще и успеешь.

Я лишь рассмеялась ему в лицо.

– Знаешь, старик, из-за кого при моем дворе появилось правило – *«говори прямо или не говори вовсе»*?

Я хотела было сказать что-то еще, обязательно колкое и обидное, и открыла уже рот, но не успела.

Теплый, дымный, настоящий на травах и сосновой смоле мир волшебной избы вдруг повело куда-то вбок. Пространство потекло во все стороны разом, словно тот самый акварельный рисунок, на котором очутились мы с мальчиком, смазали движением мокрой ладони.

Истаяло без остатка тепло, дым растворился в меди молодого рассвета, бревенчатые стены раздались вширь и сгнули вовсе, а на смену им хлынул совсем иной, незнакомый луговой воздух. Влажный и густо настоящий на разогретой золотым солнцем траве. Под босыми ступнями, вместо струганых половиц, я внезапно ощутила теплую, мягкую дорожную пыль.

Со всех сторон вокруг поднимался ленивый утренний стрекот степных кузнечиков, а щедрое солнце сплетало на моих плечах золотистый плащ.

Я стояла посреди пыльного, разъезженного тележными колесами царского тракта, под распахнутым настезь летним небом, и не сразу поверила, что все это и впрямь творится со мною наяву. На сгибе локтя у меня тихо посапывал отощавший, но уже несомненно живой Адвад, доверчиво пригревшись на самом солнцепеке. А в одном лишь шаге от меня, все такой же безмолвный и неподвижный, стоял на дороге чужой ребенок и смотрел ровно в ту же сторону, куда глядела теперь и я сама.

Впереди, там, куда уходила, петляя меж пологих зеленых холмов, белесая лента тракта, в дрожащем воздухе угадывались черепичные крыши и приземистые башенки маленького незнакомомго городка.

А за спиной у меня не оставалось больше ровным счетом ничего: ни столицы с дворцом, ни высокого трона, ни верных моих Темных Рыцарей, ни единой живой души на всем белом свете, что назвала бы меня по имени и узнала в лицо. Где-то там, я даже не знала где именно, стелился один только стылый пепел всей моей прежней, отгоревшей дотла жизни, и ветер уже неспешно разносил его без следа по чужим придорожным полям.

Но вот что странно, Малыш. В самой глубине этой звенящей внутренней пустоты, где по всем приметам полагалось бы быть безнадежности или хотя бы скулить простому человеческому страху, тихо и осторожно вдруг зашевелилось что-то совсем иное. Что-то до того легкое и непривычное, чему я тогда еще попросту не умела подобрать верного имени.

Я отмахнулась от собственных мыслей и бросила на мальчика быстрый взгляд.

– Идем, – коротко сказала я ему и, не обращая внимания, пошел ли он следом, отправилась вперед по тракту.

Проклятые Дивы...

Глава 3

Дорога

Рассвет в то первое утро в изгнании занимался на удивление медленно и без особой ретивости, словно и ему не хотелось будить остывшую за ночь степь. Я брела по царскому тракту на восток. Туда, где у самой кромки земли едва различимый городок выдавал себя лишь тонким дымком над крышами.

Солнце поднималось мне навстречу, выжигая росу с придорожной травы.

Капли испарялись прямо на глазах, и над склоненными стеблями вился легкий пар, стелившийся среди полевых цветов и таявший в теплеющем воздухе. Прежде я смотрела бы на все это с высоты спины Адвада, теперь же роса дымилась у самых моих стоптанных подошв.

От каждого моего шага пыль поднималась мелким сухим облачком, оседала на подоле черного плаща и серым налетом забиралась в его складки. Она скрипела даже на зубах, мелкая и горьковатая, отдающая привкусом растолченной колесами дороги, и сколько бы я ни сжимала губы, та все равно просачивалась внутрь и похрустывала при каждом движении.

– Жара... сестра... жара... опустить меня... ты делать только жарче...

Но один только звук голоса Адвада вселял в меня надежду. Я наклонилась и опустила давно уже очнувшегося брата на дорогу.

А в то же время под плотным сукном по спине медленно стекал пот. Он собирался между лопаток и полз вдоль позвоночника тонкой щекочущей струйкой, заставляя прилипать к коже нагретую на солнце ткань.

Двадцать лет, Малыш, я не знала ни этой испарины, ни ломоты в усталых ногах. Теперь же измученное тело напоминало о себе каждые несколько метров.

Но тяжелее всего давалось ощущение голода.

Прежде это слово оставалось для меня пустым, неосязаемым звуком. Чем-то, что случается с другими. Я знала о его существовании, но понятия не имела, что это такое на самом деле. Теперь же незнакомое слово внезапно обернулось живой сосущей пустотой под ребрами. Где-то у самого пупка словно стянулся холодный узел, и от него по всему телу расходилась вязкая слабость. Живот скручивало, в висках мутно звенело, и стоило мне на миг остановиться, как перед глазами наплывала серая муть, а земля упорно кренилась под ногами куда-то прочь от измученных стоп.

И всякий раз, стоило мне поддаться и попытаться перевести дух, как о себе тут же напоминала стертая до крови пятка. С каждым шагом грубый шов сапога вжимался в свежую ссадину. Короткая злая боль простреливала ногу до самого колена, заставляя меня едва заметно припадать на правый бок.

– *Теперь больно... сестра... но не жарко... а скоро молочко, сестра?* – Адвад насилу передвигал лапы у самой моей ноги.

– *Не знаю, брат,* – честно ответила я, прикрывая глаза от беспощадного солнца.

Я обернулась посмотреть, что происходит с нашим новым знакомым. В первый раз за последние несколько часов. Признаться, Малыш, из-за всего, что происходило, и всех новых, незнакомых мне ощущений, я попросту забыла о его существовании.

А мальчик не отставал ни на шаг. Сколько ему было лет? Семь, восемь? Ростом на ладонь ниже полутора метров, в каких-то до ужаса смешных серых штанах, не очень ловко, скорее даже почти бездарно, расшитых желтыми цветочками. В белой льняной рубаше, красной тряпичной жилетке и в кепке с такой толстой строчкой, что казалось, будто ее буквально смастерили на коленке. В простых башмачках, подпоясанный конопляной веревкой, он улыбался и аккуратно тянул палец к бабочке.

Простой, белокрылой бабочке, опустившейся на цветок. А мальчик улыбался, демонстрируя ямочки на пухлых щеках и забавно морща маленький нос. Чуть шурил зеленые глаза и то и дело посмеивался. Его черные волосы вихрились на ветру, а сам парнишка словно вообще не испытывал никакого дискомфорта из-за палящего солнца. Может быть, он был привычен к подобного рода погоде? Но откуда тогда старик его привел и...

– Слышу... колеса... сестра... кто-то... едет, – голос Адвада заставил меня оторваться от мальчика и, все так же козырьком ладони прикрывая глаза, взглянуть вглубь тракта.

Не так далеко от нас, минутах в десяти езды, поднимались клубы дорожной пыли. Я уже было обрадовалась и даже собиралась что-то прокричать, как краем глаза заметила нечто, выбивающееся из общего антуража.

Адвад.

Пусть и не в обличии громадного Инэ, но он все еще выглядел не совсем обычным котом. Разве что я провела в избе Дива куда дольше одной ночи (*что легко могло статься правдой*) и теперь у смертных котов за спиной тоже волочатся по земле два широких крыла.

Я прислушалась к своим ощущениям и убедилась в том, что Учитель не обманул. Во мне действительно теплились силы на одно-единственное, маленькое заклинание.

– Эй... – я помахала рукой в воздухе, привлекая внимание странного ребенка. – Иди сюда. Первый урок будет.

Мальчишка, отвлекшись от бабочки, даже не думавшей пугаться его пальцев, сверкнул белоснежной улыбкой и подбежал ко мне. Признаться, его бесконечный шквал явно неисчерпаемой энергии немного действовал мне на нервы.

– Смотри и... – я снова осеклась и скорбно вздохнула. Я ведь понятия не имела, как учить кого-то магии. – В общем, пока просто смотри. Понял?

Мальчик промолчал.

– И отвечай, когда к тебе обращаются, мелюзга, – процедила я.

На мгновение я испугалась, что ребенок либо вообще говорить не может, либо попросту не знает языка Холодного полуострова.

Мальчишка кивнул головой.

Что же, язык он знал, а вот пользоваться им...

– Ты можешь говорить? – спросила я, чувствуя, как сердце замирает.

Несносное создание задумалось, а затем пожало плечами и вновь широко улыбнулось. И, видят Боги, эти белоснежные зубы с прорехами должны были вызвать во мне волну раздражения, смешанного с пренебрежением. Пока я здесь, не пойми где, вожусь с отродьем Вечных, Александр рушит все, что я так долго строила. Но, видимо, я слишком обрадовалась, что хотя бы смогу общаться с этим исчадьем, пусть даже и в одностороннем порядке. При этом, Малыш, не то чтобы я горела каким-то особенным желанием, но... порой мы делаем то, что должны делать.

– Смотри внимательно, – повторила я.

Адвад лежал в траве, прячась под теньями от полевых трав и цветов, неспособных толком защитить измученного Инэ от палящего солнца. Но мне было достаточно и этого.

Подобрав подол платья, я опустилась рядом с братом на корточки и поднесла ладонь к теньям. Стоило подуть даже самому крошечному, самому слабенькому ветерку, как травы уносило в сторону и тени тут же исчезали. И будь сейчас здесь прежняя я, даже таких крохотных, мимолетных полосок тьмы мне бы хватило, чтобы соткать нам плащи из прохлады, но... я не могла.

Все, на что у меня хватило сил, это лишь прислушаться к тому, как сверкали капли росы, переливаясь искрящимся мерцанием в лучах небесного светила. Я пропустила между пальцами их блики, наполнила свой разум их крохотными отражениями, после чего произнесла слова, которые нельзя сказать смертным языком. И потому я, складывая заклинание, нашептала их своим разумом и волей.

На моих пальцах на краткий миг появилась вуаль, сшитая из солнечных зайчиков, которой я укрыла Адвада, надежно спрятав под ней его крылья. И тут же ощутила, как сила вновь покинула недра моего сознания. Старик не обманул. Всего одно, единственное, самое крохотное заклинание в день.

– Понял? – спросила я, поворачиваясь к мальчику.

С прежней улыбкой, ни на мгновение не задумываясь, он отрицательно покачал головой.

– О Боги... – протянула я, начиная постепенно представлять, насколько долго продлится следующий год.

Благо переживать мне долго не пришлось, так как уже вскоре с нами поравнялась самая обычная телега, которую только можно себе представить. Скрипящие рессоры, ободранные, местами и вовсе подгнившие бортики, груженная мешками и тюками соломы. Ее тянул немолодой конь, то и дело трясущий башкой и отбивающийся хвостом от гнуса. И, судя по следам на груде, не очень-то успешно.

– Привет, красавица, – жуя соломинку, приподнял... соломенную шляпу сухонький старичок.

Я едва сдержалась, чтобы не... если честно, не знаю, что я собиралась сделать, потому как любое решение, кроме следующего, привело бы к самому худшему.

– Здравствуйте, любезный, – ответила я и едва было не сделала книксен.

Старичок чуть приподнял брови, отчего его лицо стало похоже на сморщенный, вытянутый кабачок.

– Служанка чья-то, что ли? – проворчал старичок. – Говоришь так же красиво, как выглядишь... – он повернулся и посмотрел на мальчика, спрятавшегося у меня за спиной и теперь немного смущенно оттуда высывавшегося. – Понесла, что ли, от того, от кого не должна была. Солдатский он? Сбежала?

Я бы могла соврать что угодно, но три года, проведенных с Дивами, научили меня, как говорить так, чтобы тебе поверили.

– Нет, – только и ответила я.

Но дело не в том, что именно я сказала, а в том, как я это сделала. Слегка отведя взгляд в сторону, чуть прикрыв ладонью мальчика и при этом позволив голосу едва заметно дрогнуть. Малыш, если бы ты только знал, сколько раз я пользовалась данной наукой, общаясь с иностранными послами... у старичка не было и шанса.

– Понятно-о-о, – с улыбкой, чуть шевеля забавными усами, протянул он. – Сбежала?

Я только кивнула.

Старичок резко заозирался по сторонам и, перегнувшись с козел, испуганно прошептал.

– Не украла ничего? А то нам тут беглые воровки ни к чему.

– Любезный, у меня ни монеты, – я продемонстрировала открытые, покрасневшие от жары, ладони.

Старичок окинул меня сомневающимся взглядом, после чего снова посмотрел на мальчишку и Адвада.

– Впервые вижу, чтобы кот себя как собака вел, – присвистнул он и, покопавшись в походной сумке, достал обмотанную обрывком циновки бутылку.

Чуть ослабив пробку, он протянул ту нам.

– Нагрелась уже наверняка, но...

Я уже протянула руку, чтобы схватить столь вожаемую воду, как услышала уже много лет преследовавший меня старушечий хрип:

«...как за один день примешь помощь из рук благодетеля и недруга...»

Несмотря на зной, по спине пробежался легкий холодок, и я попыталась улыбнуться старичку настолько мило, насколько умела. А я, признаться, вообще не умела, так что неудивительно, что тот слегка вздрогнул и отодвинулся назад.

– Ослабла я, любезный, боюсь, уроню. Можете, пожалуйста, на бортик поставить.

– А... да, конечно, – спохватился старичок и поставил на край козел.

Я тут же схватила бутылку, легко откупорила пробку и сделала несколько жадных глотков. Налила воды в ладонь и помогла попить Адваду, жадно лакавшему теплую влагу шершавым языком. И все бы ничего, если бы... не ощущение, что меня тянут за подол.

Ах.

Ну да.

Мальчишка.

Сдерживая порыв прикрикнуть на сорванца, я дождалась, пока Адвад напьется, повернулась к ребенку и отдала тому бутылку. В предсказании ведь говорилось только про «брать из рук», а не отдавать из них что-то. Казалось бы, мелочь, но магия дело, пусть и далекое от реальности, но весьма точное.

– А строго вы с ним, красавица... – не без одобрения хмыкнул старичок. – Но оно и правильно. Мужчина должен уметь терпеть. Как зовут-то хоть вас, госпожа беглая служанка?

– Анна, – ответила я, не видя никакого смысла скрывать настоящее имя.

– Как Ее Императорское Величество, прям, – хохотнул старичок. – В ее честь называли вас, молодое очарование?

Любой иной придворный, позволивший бы себе столь фривольное обращение, уже потерял бы язык, сословный чин, имение и свободу. Отправился бы на восток рыть засечные линии.

– Именно так, – ответила я.

– Понятно-о, – снова протянул старичок. – Как хоть оказались здесь, Анна? Такая девушка вы и без сопровождающего, еще и за городом... боюсь представить, какого страха вы натерпелись.

– Меня подвезли торговцы, но наши дороги разминулись этим утром.

– А, торговцы, – щелкнул пальцами старичок. – Точно-точно. Скоро же ярмарка деревенская будет. Ну да. Им-то в Зацветье делать нечего.

Я едва сдержалась, чтобы не воскликнуть... что-нибудь. Зацветьем назывался город в бывшем княжестве, принадлежавшем семье Тирад. Они отказались добровольно поднять наши штандарты. И это несмотря на мою протянутую им руку. Протянутую даже после того, как они несколько десятилетий грабили наши южные рубежи, щедро окропляя здешние поля кровью наших крестьян и тех редких солдат, которых удавалось набрать мелкопоместным дворянам.

По итогу от семьи Тирад не осталось ничего. Как и от их княжества, ставшего нашей первой провинцией. Ах, нет, Малыш. Вру. Какой-то небольшой баронский род вовремя понял, что к чему, и присягнул на верность Мирграду.

– А вы туда путь держите? – я махнула рукой к городку. – В Зацветье?

– Ну да, – кивнул старичок и принял от мальчишки опустевшую бутылку. – Вон, распродам по лавкам, чем земля приросла. Ну и самому прикупить надо по мелочи. Точильный камень для косы, новую бечевку взамен перетертой, ну и соли пуд-другой, – он загибал заскорузлые пальцы и сам же сбивался со счета.

Потом старичок махнул рукой назад, в сторону соломы, и подвинулся на козлах.

– Чего зря пятки бить? Залезай, красавица, раз нам по пути. Пешком ты до вечера протопаешь, а так к обеду доедем.

Дважды уговаривать меня в тот день не требовалось. Я посадила мальчишку на задние балки телеги. Тот, с прежней неуместной радостью, тут же забрался в солому. Адвад мягко и почти бесшумно запрыгнул следом сам. Я устроилась последней, отыскав местечко между тюками.

Телега дернулась, скрипнула всеми разохшимися досками и покатила. На каждом ухабе колесо подбрасывало нас вместе с соломенной трухой.

– *Трясет... сестра... а молочка... все нет...* – недовольно пожаловался Адвад у самого моего локтя.

– *Потерпи, брат,* – мысленно отозвалась я. – *Может, и будет тебе молоко.*

Адвад выразительно мявкнул и уложил почти невесомую голову мне на колени.

Впервые за все утро я позволила себе спокойно подумать. Прятаться мне предстояло именно здесь, в землях бывшего княжества Тирад, мной же стертого с карты. Никому не придет в голову искать беглую Императрицу в пепле ее собственной победы. Лучшего убежища,

пожалуй, и не сыскать на всем Холодном полуострове. Оставалось спрятать поглубже осанку, выговор и привычку отдавать другим приказы. Беглая служанка вряд ли смотрит на других людей сверху вниз. И уж точно не пытается управлять ими одним движением брови.

– А делать-то что в городе думаешь? – спросил старичок, не оборачиваясь.

– Работу найду. Угол какой-нибудь, пока не осмотрюсь. Затем... пока не знаю, если честно.

– Угол, – он хмыкнул и причмокнул на коня. – Угол нынче удовольствие не из дешевых.

– Дорого?

– Не то слово. Ярмарка на носу, так что каждый мечтает содрать втридорога, – старичок угрюмо покачал головой. – За комнатенку с тебя, Анна, три шкуры спустят, а потом еще и спасибо скажешь.

– А подешевле нигде?

– Подешевле – это к кому-нибудь в работницы податься. Может, кто согласится кров за труд предоставить, – старичок задумчиво пожевал свою соломинку. – Но, если честно, тяжело тебе придется, красавица. Молодая, одна, да еще с дитем на руках.

– Справлюсь.

– Все так поначалу говорят. А после плачут.

Я едва не усмехнулась доброму старику в спину. Знал бы он, насколько близок к правде и далек от нее разом. Опыта за плечами у меня было заметно больше, чем виделось со стороны. Ведьмы ведь перестают стареть... Но в чем старик не ошибся, так это с тем, что мне редко доводилось разговаривать с простым народом. Куда чаще компанию для бесед мне составляли послы, князья и закованные в железо военачальники.

– А сама-то откуда будешь? – не унимался он. – Выговор у тебя пусть и витиеватый, но чудной немного. Не наш, не здешний.

– Издалека, – обронила я и отвела взгляд к полю. – С севера.

– С севера, – уважительно протянул старичок. – Со столичного приграничья, что ли? То-то ты бледная такая.

Он удовлетворенно кивнул сам себе и принял мою полуправду за чистую монету. С севера... Если бы старик только знал, с какого именно.

– А чего малец твой все молчит? – старичок оглянулся на ребенка. – Язык проглотил?

– Болел в младенчестве сильно, – не задумываясь, ответила я. – С тех пор и молчит. Понимает все, а говорить не говорит.

– Бывает, – сочувственно покивал старичок. – У соседки внук такой же был. Ничего, отойдет со временем. А может, и нет. Как Боги пошлют.

Мальчишка в ответ только улыбнулся еще шире и помахал старику рукой. Тот растроганно крякнул и снова отвернулся к дороге.

– Руками что-то делать умеешь? – спросил он немногим позже. – И я не про то, чтобы кому-то платье надеть или там по поместью с уборкой. Такие только Его Светлости барону нужны, но не советую. Сам, конечно, не видел, но, по слухам, служанки у него не то чтобы сильно задерживаются.

– Готовить умею, – ответила я.

Он удивленно приподнял свои кустистые брови.

– Стряпуха, что ли? Господская?

– Вроде того.

– Это хорошо, это дело, – старичок одобрительно поцокал языком. – Сытый человек злым не бывает. Моя покойница так всегда говорила.

– Покойница?

– Жена моя, – он немного помолчал, глядя на дорогу. – Восьмой год как похоронил. Вот и мыкаюсь один со своим хозяйством. Хозяйством... пропади оно, Анна, пропадом. Все бы отдал, чтобы еще раз ее волос коснуться.

Я промолчала, потому как понятия не имела, что говорить в подобных ситуациях. Я, в целом, вообще не была уверена, что когда-либо прежде вела подобные беседы.

Тебе же, Малыш, я объясню все чуть честнее, чем доброму старику. Готовить я научилась вовсе не потому, что мне так захотелось. Во всяком случае – не совсем поэтому. Просто так, наверное, бывает, когда маленькая девочка сидит за столом и не может понять, что именно происходит. Не может понять, почему ее матушка и отец хрипят, страшно корчатся и скрюченными пальцами до крови вспарывают собственные глотки.

С того самого дня, как моих родителей отравили, я не доверяла свою еду ни единой живой душе. Готовила всегда сама. Впоследствии дворцовые повара меня за это тихо ненавидели. Косились, шептались за спиной, но перечить не смели. Зато я дожила до своих лет, а добрая половина моих недругов – нет. Так из перепуганной сироты и вышла, как выразился старичок, стряпуха.

Телега меж тем взобралась на пологий взгорок, и на город, наконец, открывался ничем не прикрытый вид.

Зацветье располагалось в неглубокой ложбине у самой излучины реки. Черепичные крыши спускались уступами к рыночной площади. Над печными трубами висел сизый дымок, и даже здесь, вдали, за укреплениями, пахло хлебным жаром. Приземистые башенки старой стены давно осыпались по верхам. К воротам тянулись чужие телеги, и дорога понемногу ожидала. Где-то впереди уже гомонил, дышал и стучал колесами живой человеческий муравейник.

– Вот и Зацветье, – старичок приосанился, словно сам его выстроил. – Городишко небольшой, но по-своему уютный, красавица. К ярмарке, правда, народу набьется под завязку.

– Большая ярмарка будет?

– На всю округу, – кивнул старичок. – Из дальних сел приедут, с того берега тоже примчат, – он махнул ладонью, кивнул на дорогу. – Видишь, телеги потянулись? Это все к нам. Три дня будут гулять, торговать и барагозить. Куда же без этого.

– И здешняя власть не против?

– Власть? Ты про барона, что ли? Да ему-то по... – старичок осекся, прокашлялся и продолжил. – Все равно Его Светлости. Он с каждого воза мзду берет, так что ему только в радость, – старичок поморщился и сплюнул соломинку. – Ну да тебе до того дела не должно быть. Тебе бы крышу где-то над головой сыскать.

Справедливо... какое мне сейчас дело до властей, явно не совсем честно соблюдавших указы Парламента.

– А заночевать где-то можно?

– Можно, если деньги есть. А если нет... – он почесал в затылке. – Стряпать, говоришь, умеешь... В судьбу не верю, но, может, и судьба. Слушай, Анна, сходи к Марфе. В «Кривой петух».

– «Кривой петух»?

– Трактир у самой площади. Вдова там одна за хозяйку, Марфой зовут, – старичок понизил голос, будто кто-то мог его подслушать. – Баба прямая, как оглобля, и языкастая. Но не злая. Руки у нее вечно не доходят, а постояльцев и выпивох хоть отбавляй. Мужа ее в армию забрали лет десять назад. Потом, в первый же месяц, похоронное письмо прислали и пару монет пособия. С тех пор тянет все одна. Может, пристроит тебя. Но не обещаю. Сам тебе тоже ничем помочь не смогу. Ты уж прости, красавица.

– Спасибо, любезный.

– Да чего там, – он отмахнулся. – Скажешь, что с Павлом приехала. Меня там всякая собака знает.

У самой площади старичок придержал коня. Я ссадила мальчишку на утоптанную землю и прыгнула следом. Ноги после телеги затекли и слушались плохо. Адвад же мягко соскочил и сразу прижался к моему сапогу.

– Будь здорова, красавица. И ты, малец, мать слушайся.

Мальчишка в ответ только просиял щербатой улыбкой. Старичок усмехнулся, тряхнул вожжами и покатил дальше. Телега заскрипела и потерялась среди торговых рядов.

Я осталась стоять посреди чужого, гомонящего города. Площадь кипела предьярмарочной суетой и не желала меня замечать. За что я была лишь признательна. Торговцы сгружали с возов мешки, бочки и плетеные корзины. Где-то визжала свинья, где-то бранились из-за места под навесом. Пахло рыбой, навозом, свежим тесом и горячими пирогами разом.

Но не прошло и пары секунд, как на меня отовсюду начали глазеть прохожие. Не все, но многие, и довольно цепко. Молодая женщина в дорогом, но запыленном плаще плохо вписывалась в местную картину. С ребенком в нелепых обносах и тощим котом у ноги – тем более.

Прежде один такой взгляд стоил бы случайному смельчаку очень дорого. Больше, чем тот был бы готов заплатить. Теперь же мне приходилось опускать глаза и спешно проходить мимо. Беглой служанке не пристало мериться взглядами с прохожими.

– *Сестра... много людей... и пахнет рыбой... а молочком – нет,* – пожаловался Адвад, жмурясь от шума.

– *Потерпи еще немного, брат,* – отозвалась я и прибавила шаг.

Мальчишка крутил головой во все стороны и едва не отстал у лотка с медовыми пряниками. Я ухватила его за шиворот и подтолкнула вперед. Странному созданию глазеть по сторонам явно хотелось куда больше, чем поспевать за мной.

У дальнего края площади заметила я пустой, заброшенный лоток. Доски его рассохлись, навес обвис и выцвел добела. Кто-то воткнул в щель меж досками засохший букетик полевых цветов. Должно быть, прежде здесь чем-то торговали. Я скользнула по нему взглядом и тут же забыла. Мало ли пустых лотков на свете.

Найти трактир оказалось делом совсем нехитрым. Над покосившейся дверью висела облезлая вывеска. На ней красовался небрежно нарисованный петух. И впрямь донельзя кривой. Краска местами вздулась и осыпалась пестрыми чешуйками. Одна петля просела, а дверь висела чуть набок. Изнутри тянуло жареным луком, кислым пивом и подгоревшим хлебом.

Заведение явно знавало лучшие времена, что читалось буквально с самого порога. Зато оно стояло у самой площади, на бойком месте. При живых руках и толковой хозяйке здесь можно было бы развернуться. Я поймала себя на этой мысли и тихо хмыкнула.

Корону потеряла, а торгашескую жилку, выходит, нет. Война, в конце концов, дело весьма не дешевое.

Я толкнула перекошенную дверь и шагнула в полумрак трактира. Несколько посетителей лениво подняли головы и снова уткнулись в кружки. В углу дремал, уронив голову на стол, какой-то пьянчуга. За стойкой грузная женщина яростно вымешивала тесто. Руки ее были по

локоть в муке, а лицо покраснелось от жара. Седящие пряди выбились из-под платка и липли к вискам.

– Закрыто для дармоедов, – не поднимая глаз, бросила она. – Выпить надумала – садись и жди. За милостыней проваливай, пока не выломала тебе оставшиеся зубы.

– Я не за милостыней, – спокойно ответила я. – Мне сказали, что вам нужны рабочие руки.

Женщина наконец оторвалась от теста и с головы до ног смерила меня оценивающим взглядом. Усталым, цепким, но явно не сулящим каких-либо поблажек.

– Руки мне нужны. Рабочие. А вот это, – она кивнула в мою сторону, – на них мало похоже. Я рабочей девки перед собой не вижу. Только барышню в дорожной пыли. Такие за час у плиты в обморок падают.

– Барышня умеет готовить, – ровно, но настойчиво парировала я.

Хозяйка немного зло хмыкнула.

– Все умеют, пока не встанут к печи на двенадцать часов кряду, – Марфа фыркнула и снова склонилась над тестом. – Ходят тут, прости Боги. Одна белоручка краше другой. Проваливай!

Спорить было бессмысленно, и я просто осталась... ждать. Молчание иной раз действует вернее любых уговоров. Этой науке меня тоже выучили еще в детстве. Правда, за столами переговоров, а не за стойкой трактира.

Не прошло и двух часов, как Марфа снова покосилась на меня, а потом на притихшего у моей юбки мальчишку. Что-то в ее обветренном лице на миг дрогнуло и тут же спряталось.

– Твой? – кивнула она на ребенка.

– Мой, – не моргнув, соврала я.

– Отошал-то как, – она вытерла ладони о передник и протянула мне через стойку краюху хлеба. – На, хоть мальчика своего покорми. Кожа да кости. Того и гляди подохнет прямо здесь. А мне потом страже объясняй, откуда у меня труп и какая-то дура не местная.

Хлеб из ее руки я не приняла. Вместо этого я мягко указала на край стойки.

– Положите сюда, пожалуйста. У меня руки грязные. Не хочу вас испачкать.

Марфа замерла с краюхой в руке и посмотрела на меня с откровенным удивлением.

– Брезгуешь, что ли? – почти с прежней злобой спросила она.

– Не брезгую. Просто в дороге уже давно.

Она хмыкнула, но хлеб все же опустила на доски стойки.

– Чудная ты. Ну да в моем заведении кто только не чудит. Тут у каждого свои тараканы в голове.

Я взяла краюху со стойки и протянула ту мальчишке. Тот покрутил ломоть в руках и зачем-то поднес к свету. Есть он, похоже, и не думал вовсе. Мальчик просто разглядывал хлеб, будто видел подобное впервые в жизни. Потом он отломил кусок и аккуратно положил перед Адвадом. Себе он не оставил ни единой крошки.

Марфа проследила за этим и нахмурилась.

– Чудной у тебя малец. Сам голодный, а коту кормит. И взгляд, как у старика столетнего.

Спорить с этим мне совсем не хотелось. На стойке оплывала сальная свеча с длинным нагаром. И стоило мальчишке скользнуть по ней взглядом, как дрожащий огонек вдруг замер. Пламя вытянулось ровным язычком и больше уже не металось из стороны в сторону. Я списала все на сквозняк и собственную усталость. Думать об ином у меня попросту не было сил.

– Так что насчет работы? – вернула я разговор в нужное русло.

Марфа отерла лоб тыльной стороной ладони и тяжело вздохнула. Видно было, что отказывать ей не очень-то и хочется, но соглашаться она все еще опасалась.

– Хозяйство у меня, девка, скажу честно, дышит на ладан, – она обвела рукой полутемный зал. – Народ в основном приходит сюда за воротник накинуть, а не пожрать. Стряпать толком некому. Девка моя прежняя сбежала с заезжим коробейником, прости ее Боги.

– Значит, повар вам все-таки нужен.

– Да нужен, конечно. Только вот что мне точно не требуется, девка, так это еще один лишний рот, который сам ничего не стоит, – Марфа уперла кулаки в широкие бока и снова покосилась на мальчишку. – Даже, вот дерьмо, два рта! Сделаем так. Печь видишь? Накормишь сегодня мой народ ужином. Понравится людям – оставлю на ночь, и дальше поглядим. Не понравится – скатертью дорога, и чтоб к утру духу вашего тут не было. По рукам?

– По рукам, – тут же согласилась я.

– Жалованья поначалу не жди, – она ткнула пальцем мне в грудь. – Кров да харчи на троих, считая твоего блохастого. Устроит – оставайся.

– Устроит.

– На сеновале постелю, – добавила она ворчливо. – Лишней перины у меня нет. Зато сухо и крыша над головой. В обиду тебя, с рожей твоей красивой, тоже не будут... как его... Не бойся, в общем. Все знают, что в «Петухе» у кого рука подлиннее мозга окажется, я тому ее в самую задницу аж по горло запихаю.

Марфа вышла из-за стойки и грузно повела меня через кухню к заднему ходу. По дороге я успела окинуть взглядом ее владения. Печь выглядела старой, но добротной, утварь – простой и потемневшей от копоти. С таким хозяйством при желании можно было справиться.

В углу я заметила связки лука, мешок крупы и копченый окорок под потолком. Негусто, но для сносного ужина вполне достаточно.

За дверью открылся запущенный двор с покосившимся плетнем. Сквозь высокий бурьян все еще угадывались старые гряды и тропки. У дальней стены доживали свой век одичавшие кусты роз. Кто-то когда-то любил это место и подолгу здесь возился.

– Тут раньше Цветава хозяйничала, – Марфа кивнула на заросли. – Цветочница наша. Цветы растила, а букеты с лотка на площади продавала. Бывало, весь двор как радуга стоял. Померла по весне, вот все и заглохло.

– Жаль, – тихо прошептала я.

– Жаль, – согласилась Марфа. – Хорошая была старуха. Чудная только, вроде тебя. С цветами своими, бывало, разговаривала. Мне порой даже казалось, что те ей отвечали.

Я молча смотрела на одичавший сад. И тут, Малыш, со мной случилась неприятная вещь. Я ведь годами мечтала об одном и том же. В своих снах я складывала корону, уходила подальше от войны и открывала трактир с цветами.

Мне хотелось просто варить людям похлебку и продавать букеты. Хотелось засыпать без караула под дверью и просыпаться без срочных донесений.

А судьба, как видишь, шутница еще та.

Она отняла у меня все и, в насмешку, швырнула ровно туда, о чем я когда-то грезила. Только без свободы, без силы и без единой монеты за душой. Будто издеваясь, трактир с цветами стоял прямо передо мной. Обшарпанный и насквозь пропахший пролитым пивом.

– А мальчика-то как звать? – Марфа обернулась уже у самого порога. – Не *эй-ты-сосунок* же мне его кликать.

Вот на этом месте я и растерялась. Имени у мальчишки попросту не было. Учитель его так и не назвал, а спросить я не догадалась. А даже если бы и спросила, то сам ребенок говорить не желал или попросту не умел. Стоял да улыбался, как ни в чем не бывало.

Я лихорадочно перебирала в уме одно имя за другим. Все они звучали слишком тяжело, слишком чопорно, слишком не про него. Я повернулась к мальчишке, чтобы хоть что-нибудь наскоро придумать. В пыльное окно как раз пробился косой солнечный луч. Он запутался в

черных вихрах ребенка и зажег их по самым краям. Мальчишка щурился на свет и беззаботно улыбался во весь щербатый рот.

На его нелепых штанах криво желтели вышитые цветочки.

– Луша, – само собой сорвалось с губ.

Я и сама не поняла, откуда взялось это слово. Должно быть, виноват был тот самый солнечный луч в его кудрях. Мальчишка вдруг вскинул голову и посмотрел прямо на меня. Впервые за весь день его взгляд показался мне по-настоящему человеческим. Он улыбнулся еще шире и тихонько засмеялся.

– Луша так Луша, – пожала плечами Марфа. – Идем, Луша. Покажу, где спать будешь.

Мальчишка послушно посеменил за грубой трактирщицей, лишь раз обернувшись на меня через плечо. И снова улыбнулся, словно я подарила ему что-то очень важное.

Вот так, безо всякого умысла, у мальчишки и появилось имя. Я нарекла создание Вечных в честь обыкновенного солнечного луча. Я, потерявшая собственное солнце всего сутки тому назад. Если у судьбы и есть чувство юмора, то весьма своеобразное.

И в этот самый миг по жаркому трактиру вдруг прошел холодок. Тонкая струйка стужи скользнула между столов и кружек. Она тронула мои плечи и заставила Марфу зябко повести лопатками. Лушу же северный сквозняк послушно обогнул стороной. Где-то наверху сама собой хлопнула разошедшаяся ставня.

– Откуда дует только, – проворчала Марфа и оглянулась на закрытые окна. – Лето на дворе, а тянет, как из погреба.

Я плотнее запахнула пыльный плащ и спрятала непрощенный холод внутрь. Уж я-то знала, откуда тянет и кто стоит за этим сквозняком. Часы были запущены, и год с одним днем отсчитывал свой самый первый вечер.

Марфа меж тем уже гремела чем-то на кухне.

– Эй, стряпуха! – донесся оттуда ее голос. – Молоко в крынке у окна. Коту своему плесни, что ли, а то смотрит жалостливо. Или нет... Того и гляди сожрет меня за это молоко.

Адвад наострил уши и победно глянул на меня снизу вверх. Весь его вид говорил: *наконец-то, сестра*.

– Видишь, брат, – мысленно усмехнулась я. – *Я свое слово держу*.

За мутным оконцем уже клонился к закату мой первый день без короны. Где-то наверху Марфа стелила нам на сеновале, ворча себе под нос. Луша возился рядом с Адвадом и беззвучно смеялся над чем-то своим.

У меня теперь был угол, мальчишка с именем и отравленный кот с обещанным молоком. Не корона и не армия, что и говорить. Но, как ни странно, для самого начала хватало и этого.

Глава 4

Котел, метла и разговоры

Любую крепость берут либо измором, либо одним, единственным, точным ударом. В случае с кухней Марфы мне предстояло использовать оба способа разом. Выбора судьба как-то не предоставила.

Я стояла посреди едва ли не развалин и осматривалась так же, как прежде разглядывала вражескую крепость перед рассветным приступом. Низкий закопченный потолок угрюмо нависал над головой и пах застарелым салом. В углу горбатилась остывшая печь с черными потеками по бокам. На полке теснились горшки самых разных размеров, щербатые и кривобокие, словно ополчение из калек. Котел среди всего этого великолепия обнаружился всего один, но зато вместительный, с потемневшим нутром и ручкой, державшейся на честном слове.

Что касалось припасов, то они вполне оказались под стать котлу. В мешке слежалась пара пудов муки, а связка лука на окне проросла бледными стрелками. Десяток морщинистых морковин соседствовал с репой и вялым пучком зелени. На крюке скучающе покачивался кусок солонины – твердый, как подметка старого сапога. В крынке плескалась простокваша, а на дне ларя пряталась горсть ячневой крупы.

И вот из этого добра мне предстояло накормить целый трактир. Причем так, чтобы Марфа нас не выставила.

– Ну? – хозяйка встала в дверях и уперла руки в бока. Мука забавно белела на ее переднике и на остром подбородке. – Не передумала, барышня? Вечером народ повалит, ярмарка же завтра. Накормишь – оставайся. Нет – забирай своих блохастых, что одного, что второго и ступай.

– Накормлю я твою толпу.

– Посмотрим, – она хмыкнула и качнула головой в сторону котла. – Дрова во дворе. Воду из колодца сама натаскаешь. Помощников тут отродясь не водилось, а я и так с ног падаю.

– Вот и хорошо, – твердо ответила я. – Мне потребуется только котел, огонь и чтобы под руку никто не лез.

Марфа прищурилась и глянула на меня немного по-новому. Кажется, последнее понравилось ей больше всего сказанного за день.

– Крепкая, – без особой уверенности протянула она. – Ладно. Посуду вон в той лохани сполоснешь. Луша твой пускай под ногами не вертится.

«Мой Луша» и не думал вертеться. Он сидел на низкой скамеечке в углу и глядел на холодную печь так, будто видел нечто подобное впервые в жизни. Черные вихры падали ему на лоб. Взгляд же оставался спокойным и... старым, каким-то, словно мальчику было не около семи-восьми лет, а семь или восемь веков.

Я уже какое-то время назад перестала гадать, что прячется за этим взглядом. Учитывая все происходящее, как бы нелепо ни звучало, мне было не до отродья Вечных.

– *Рассвет уже... я не спать... а молока нет,* – раздраженно донеслось снизу.

Адвад лежал у порога и всем видом выражал мировую скорбь Инэ, низведенного судьбой до уровня обыкновенного кота. Крыльев под личиной никто не видел, и слава за это всем Богам разом. Брат мой, правда, не разделял моего оптимизма и подметал хвостом пол с обреченностью полкового знамени над проигранным полем.

– *«Потерпишь»,* – одним лишь взглядом ответила я ему, чтобы Марфа не услышала лишнего. А когда убедилась, что вдова отошла подальше, прошептала брату: – *Сперва я накормлю людей. Потом, может быть, и тебя тоже.*

– *Какой... кошмар,* – он забавным образом наморщил нос. – *Как же так, сестра... мы что... теперь хуже... людей?*

Отвечать я не стала – закатала рукава, повязала вместо передника не очень свежую тряпицу и отправилась во двор за дровами.

Печь занималась тяжело и далеко не сразу. Старая, упрямая, привыкшая к небрежной руке, она фыркала дымом и упорно чадила. Я уговаривала ее едва ли не так же, как уговаривают пугливую лошадь, – терпеливо подкладывала щепу и не торопила пламя. Пытаться нашептывать огню, чтобы тот раздулся пушистым пламенем, не стала.

От одной этой мысли печать под ребрами наливалась тупой, предостерегающей болью.

Так что огонь я разводила самым обычным образом. Пыталась как-то справиться с полянками, то и дело норотившими укусить ладонь очередной занозой. Порой у них получалось, и тогда, цедя сдавленные проклятья, мне приходилось зубами вынимать древесные иголки из собственной кожи.

Зато с остальным дело пошло на лад.

Солонину я вымочила, обрезала слишком жесткие края и пустила в дело то, что годилось. Лук с морковью мелко и ровно нарезала, чувствуя, как постепенно расслабляются плечи и нервы.

– *Смешная... сестра... спать дальше...* – зевнул Адвад и свернулся клубочком.

Крупы я дважды промыла, муку просеяла сквозь сито, выбрав из нее все лишнее. И уже к полудню над котлом поднялся первый душистый парок, а сама кухня будто немного посветлела.

– Ну надо же, – подала голос Марфа из-за стойки. Она с любопытством перегнулась через окошко, разделявшее ее стойку и кухню. – А пахнет-то вполне себе. У меня так обычно не выходит. Горчит, обычно.

– Судя по тому, как выглядит котел – вы за температурой не следите. И солонину вы кладете невымоченной, – чуть погодя добавила я. – Потому и горчит.

– Темпр... темпур... что ты сейчас сказала?

Я осеклась и поспешила исправить:

– За огнем, Марфа, за огнем надо присматривать.

Она поджала губы, но спорить не стала. Да и в целом спорить с аппетитным запахом из котла – занятие неблагодарное.

Тесто я завела на остатках простокваши, чтобы хлеб вышел мягче. Замешивала долго, всем весом наваливаясь на ладони, чувствуя, как теплая упругая масса послушно расплывается под руками. Мысли в голове постепенно успокаивались, и образ Александра исчезал где-то на задворках сознания.

В этой работе, Малыш, я, порой, после многочасовых военных собраний, споров с генералами, разработок планов и выслушивания бесконечных донесений, находила свой покой. В простой, монотонной работе. И еще, пожалуй, в тишине. Ни хлюпающее тесто, ни трещащий огонь, ничего от меня не просили и ничего не требовали.

Правда, продлилось мое спокойствие не так, чтобы очень долго.

Стоило солнцу зацепиться прощальными ласками за крыши домов, как в трактир повадил народ.

Лето в Зацветье, на юге полуострова, всегда было щедрым на свет, так что вечера здесь неспешно тянулись длинными тенями и золотистыми облаками. Дверь захлопала все чаще, и общий зал понемногу наполнялся гомоном, скрипом скамей и стуком кружек. Торговцы, прибывшие к завтрашней ярмарке, занимали лавки целыми артелями. Меж ними сновали местные – те, кому дома сидеть казалось скучнее, чем ютиться у чужого очага, слушая рассказы о землях, которые те никогда не посетят. И вовсе не потому, что далеко.

Порой им просто не хватало смелости выйти за порог.

Я носила миски от стола к столу и ни с кем не встречалась взглядами. Вряд ли бы меня кто-то узнал, но я не хотела понапрасну рисковать.

– Неси еще, милая! – раздался очередной крик.

Забавным образом, если бы еще три дня назад в моем присутствии кто-то осмелился сказать нечто подобное, то у палача прибавилось бы работы. А теперь мне приходилось молча кланяться и спешить к следующему столу.

Так что не удивляйся, Малыш, что я с детства терпеть не могла Дивов, пусть и была обязана одному из них своей жизнью.

– Эй, хозяйка! – окликнул дородный мужик от дальнего стола. Лицо у него лоснилось не хуже, чем мордочка у Адвада, а руки выдавали человека, привычного к печи куда больше, нежели Марфа. – У тебя новая стряпуха, что ли? Не видел раньше ее в городе. Готовит хоть нормально? Пробовать стоит?

– Новая, Гордей, новая, – отозвалась Марфа от стойки. – Пробуй, если не боишься. А если сдохнешь, так хоть сытым.

Зал отозвался дружным смехом.

– Это пекарь, – коротко шепнула мне Марфа.

Я поставила перед ним полную миску похлебки и краюху еще теплого хлеба. Тот зачерпнул, подул, отправил ложку в рот и неторопливо прожевал. Потом зачерпнул снова, уже без всякой опаски.

– Недурно, – протянул он, причмокивая губами. – Совсем недурно. Марфа, будь добра, ты прогони ее, ладно? А не то она меня без работы оставит.

– Ну ты как разоришься, приходи сюда. Так и быть – найму тебя за пару монет, Гордей, – беззлобно огрызнулась хозяйка. – Хоть дрова будет кому поколоть.

Зал снова разразился необидным гоготом, а Гордей продолжил с азартом уплетать ужин.

Работа за стойкой шла своим чередом, и я понемногу втягивалась в ее ритм. Прежде я водила в бой полки, а теперь – миски от печи к столам. Разница, как ни странно, оказалась невелика. И там и там находились те, кто мнил себя бессмертными.

– Хозяйка! – гаркнул широкоплечий торговец у окна. – А пива нам нальют сегодня? Глотки пересохли, сил нет.

– Сходи... – внезапно Марфа, утирая широкий лоб передником, поняла, что не знает, как меня зовут. – Сходи, в общем.

– Несу, – отозвалась я и сняла с полки кувшин.

Торговец оглядел меня с сытым, ленивым нахальством и подмигнул друзьям.

– Ничего такая стряпуха у Марфы завелась, – протянул он и потянулся ущипнуть меня за бок.

Рука его так и не дотянулась. Я перехватила его запястье на полпути и несильно, но резко выкрутила в сторону, в которую обычно запястье не должно поворачиваться. Не думай, Малыш, я не питала лишних иллюзий. Без своей магии у меня, весом едва ли более пятидесяти килограмм, не хватило бы сил, чтобы что-то сделать рослому мужчине. Да и не рослому тоже. Так что если бы он был готов и ждал чего-то такого, то все закончилось бы совсем иначе.

Суть в том, что такие, как он, редко когда ждут сопротивления от тех, кого считают слабее себя. Так что его пальцы тут же обмякли, а сам он коротко вскрикнул. От неожиданности, а не испуга, но его друзьям хватило и этого. Они дружно рассмеялись и принялись подшучивать над товарищем.

А именно этого я и добивалась.

– Пиво на столе, – сказала я ровным тоном. – А руки держи при себе.

Я спокойно заглянула ему в глаза, без всякой угрозы. Угрозы и не требовалось: одного моего взгляда хватило с лихвой. Торговец моргнул, икнул и вернул ладонь обратно на столешницу, отчего его друзья лишь еще громче засмеялись и принялись стучать кружками.

– С огоньком, – буркнул он уже без прежнего бахвальства.

– Еще и готовит отлично. Это явно не по твою душу, Ирвид, – примирительно вставил сосед. – Так что лопай, а не лапай.

Полупьяным торговцам хватило и этой глупой шутки, чтобы снова разразиться гвалтом безудержного хохота.

Я молча вернулась к стойке. Внутри у меня саднила давняя, недобрая злость. Прежде за такую вольность наглец лишился бы много большего, чем толики уважения в глазах друзей.

– Хитро ты его, – заметила Марфа, проходя мимо с подносом. – С другой дело непременно дошло бы до стражи. Или до драки.

– Не впервой, – сказала я.

– Да? – чуть удивилась хозяйка трактира, а я мысленно отвесила себе подзатыльника за оплошность. – Откуда у барышни такой опыт?

– Долго рассказывать.

– Опять долго, – она фыркнула. Боги, Марфа так часто фыркала и хмыкала, что мне начинало казаться, будто она родственница котам. Не Адваду, а обычным котам. В ее глазах мелькнуло что-то цепкое и приметливое. – Загадочная ты, барышня, конечно. Прямо видно, что ребенок твой. Стоите друг друга.

Я ничего на это не ответила. Она была права. Загадок во мне хватало на троих, вот только делиться я ими совсем не спешила.

Под столами тем временем шло свое, отдельное сражение. Адвад, явно расстроенный отсутствием внимания к собственной особе, обходил зал неподкупным дозором и облагал данью каждого зазевавшегося. Кто-то лишился своей шпоры на сапоге, у другого умыкнули связку ключей с пояса, а наглый Инэ и вовсе стянул кусок солонины прямо из-под носа. С последней добычей он преспокойно удалился под лавку.

– У тебя совесть есть, Адвад? – прошептала я, проходя мимо укрытия брата.

– Хотеть есть... теперь ем, – донеслось из-под лавки с набитым ртом.

Спорить с ним было все равно что спорить с зимними холодами. Сколько ни пеняй на них, а все равно мерзнуть будешь. Я подхватила поднос и понесла его дальше.

– Спасибо большое, госпожа, – внезапно прозвучал самый обычный, ничем не примечательный голос со стороны мужчины средних лет в поношенной одежде. – Очень вкусно.

Я едва не споткнулась прямо на ходу. Не то чтобы меня никогда не хвалили, Малыш. Скорее напротив. Но каждый раз, даже если я видела максимально открытые и честные глаза, даже если умом понимала, что собеседнику от меня ничего не нужно (*пусть такое и происходило крайне редко*), но меня все равно не отпускала капля сомнений, что это не искренне. Просто умело прикрытая лесть, чтобы добиться от меня нужного решения или благосклонности по вопросам войны или политики.

Но тот посетитель, в своих затертых башмаках и куртке, пропахшей свиным навозом и сеном – ему от меня ничего не требовалось. Он вернулся взглядом к своей жене, и они продолжили обсуждать что-то, связанное с будущей зимой и крышей хлева. Не то чтобы я в этом хоть что-то понимала. Я хотела было что-то ему ответить, но меня закрутило в бесконечной суете трактира.

Что до отродья, то Луша пристроился на скамеечке у самой печи и медленно ел, попутно с любопытством разглядывая... да все вокруг. Отломив от своей краюхи, он положил кусок на пол перед Адвадом. Себе же он оставил совсем небольшую долю. Кот понюхал подачку с видом оскорбленного придворного, однако съел.

– Сам голодный, а зверюгу кормит, – покачала головой женщина с соседней лавки. Лицо у нее выглядело изрядно вытянутым из-за острого носа, а еще таким же любопытствующим, как у небольшой крысы. – А взгляд как у дурачка какого-то. Радостный чересчур. Твой, что ли?

– Мой, – ответила я чуть резче, чем ожидала сама от себя.

«Мой» – это слово все еще ложилось на язык так же непривычно, как новая монета незнакомой чеканки. Такое короткое и незначительное «мой», но я несколько раз повторила его про себя и всякий раз чуть медлила, будто примеряла обувь не по ноге.

Женщина хотела спросить что-то еще, но не успела.

Дверь гроыхнула, впуская новую группу погонщиков, торговцев и просто тех, кому не сиделось на одном месте. А вместе с ними в зал, расправляя ласточкины крылья, влетела новость:

– ...а я вам говорю, сам глашатай читал, у ратуши, прилюдно! – горячился, проталкиваясь к стойке, долговязый малый в крестьянских обносах и с соломой в волосах. – Грамота из столицы, с печатями. Государыня-то наша, слышь-ка, занедужила. Тяжело. Лежает, молвят, при смерти.

Зал замолк.

– Это Императрица-то? – недоверчиво протянул Гордей. – Ты, Велош, на сене в полдень поменьше дрыхни. А то скоро все мозги растеряешь. Хотя, были бы они у тебя, тебя бы дьякон из школы не погнал.

– Гордей! – возмутился юноша, выдергивая из волос солому. Примерно тем же самым я сама занималась сегодня утром, после чего помогала Луше. – Пить дать, вот мне провалиться! Глашатай до сих пор горланит. Моглешь сама схоживать послушивать!

– Слабо верится, Велош, – покачал головой Гордей. – Сперва Ее Императорское Величество весь полуостров захватывает, чего никому за пять веков, как здесь люди поселились, не удавалось. А теперь болезнь? Не верю... Да ее хвори не берут, она ж не человек, даже – ведьма!

– Берут, выходит, – встрял кто-то еще из числа торговцев. – На всякую силу, Гордей, всегда своя управа найдется. Говорят, что ее Темных Рыцарей и вовсе по всей Империи разослали. Вроде как поддерживать порядок, но верится слабо.

– Ага, – поддакнул необразованный Велош. – Распустила, мол, черное свое гнездо, покуда живая. А то, что иво она ведьмовая, так она...

– Ой, Велош, будь добр, закрой рот, – взмолился Гордей. – Ты бы, хоть, к жрецу опять попросился. Я и когда ты трезвый ни демона не понимаю, что ты там говоришь, а когда пьяный... Грамота или нет... ты же все равно читать не умеешь.

– Стряпуха, – не оборачиваясь ко мне, попросил Велош. – Плесни мне пеннухи... А ты, Гордей, нух видывать то моему грамотку того и достаточного.

– Велош... – буквально взмолился Гордей. – У тебя брат младший и то лучше разговаривает... я сейчас вообще ничего не понял. Грамота там или нет... Да и какая тебе разница. Ты бы все равно, даже вот окажись Императрица сейчас прям лицом к лицу с тобой, все равно бы не узнал. И никто бы из нас не узнал. Она же на людях почти не появлялась никогда. Из похода в поход. Из похода в поход.

Я налила полную кружку и поставила ее перед долговязым. Рука моя ни на миг не дрогнула.

Зал продолжал гудеть и обсуждать то, что теперь Темные Рыцари, наконец-то, не только на полях брани будут биться. И что теперь знати и дворянам больше не получится обманывать народ. Рыцари позаботятся о своих людях, потому их и разослали. А я... а что я.

Я-то знала цену словам «разослали служить». И прекрасно понимала, что Александр на этом не остановится. Рано или поздно кто-то из моих верных братьев по оружию задастся весьма очевидным вопросом. И тогда...

– А вам, господа, жалко ее, что ли? – фыркнула, внезапно, остроногая. – Кровопийцу эту? Дивово отродье... Тьфу!

– А чой-то жалить, – Велош отхлебнул и утер усы. – Тудыва и дорожка. Вон, рассказывают, сотника одного из ее черных псов, Воислава, со всем семейством под замок свели. И его, и баб, и дочек малавых. Говаривают, что он в стольном граде мятеживать думывал. Замысливал супротив Императрицы.

Ложка в моей руке чуть звякнула о край миски.

Воислав.

Я хорошо помнила Воислава. Сотник из левого крыла, неразговорчивый и с рубцом через правую бровь. Он вынес наш штандарт из-под Антуа, даже несмотря на то, что на бригантине не осталось места, куда не попала бы вражеская стрела. У него действительно росли две дочки. Когда я награждала его за проявленную доблесть, то он показал мне их нелепый, кривой рисунок углем, краснея притом, как мальчишка.

И вот теперь чужой пьяный язык лениво пересказывал, как этих дочек «свели под замок». Александр... ему хватило всего двух суток...

Я молча принесла миску гостям, поправила на поясе тряпицу и вернулась наполнять следующую. Лицо мое, как я надеялась, не отразило ни единой тяжелой мысли, а движения оставались такими же точными. Снаружи я выглядела всего лишь усталой стряпухой, каких в любом трактире по три на монету.

А внутри во мне медленно и беззвучно шевелились скалящие пасти тени.

– Барышня, ты белая чего-то стала, – заметила Марфа, проходя мимо с подносом. – Неужели устала?

– Жарко у печи, – соврала я.

– А я предупреждала... не для белоручек эта работа, девчонка, – она локтем пихнула по подносу кружку. – На, выпей кваса. И не вздумай мне тут грохнуться от бессилия. Нашла время.

Она едва ли не прямо в руку мне пыталась всучить этот дурацкий квас.

Да, Малыш, я была уверена в том, что это будет долгий год...

Я качнула головой и кивнула на стойку:

– Поставь, будь добра. Руки в тесте.

Марфа в очередной раз хмыкнула, но кружку, все же, поставила. Я выждала, пока ее ладонь отодвинется на безопасное расстояние, и взяла квас уже сама.

Напиток оказался кислым и приятно холодным. Тени внутри понемногу утомонились и притаились там, где им самое место.

А зал жил себе дальше, гомонил и хохотал. Никто из этих сытых, теплых людей и не догадывался, что миски с похлебкой из солонины и пенной брагой им разливает та самая ведьма, чью болезнь они так воодушевленно обсуждали.

К поздней ночи зал наконец опустел. Последние гости, ословелые и сытые, разбрелись по тускло освещенной масляными фонарями улице. Марфа стояла посреди осиротевшего трактира, оглядывала пустые миски, следы на полу, лужи на столах и скребла затылок.

– Сожрали все подчистую, – сказала она наконец одновременно с легким недоверием и сомнением в голосе. – И котел выскребли, и хлеба ни корки. У меня такого... да, если быть честной, то у меня такого уже пару лет как не случалось. Монет теперь достаточно, чтобы на завтра зайчатины купить. Или, может, если поторговаться, то и сала с кабаньей требухой.

– Значит, прошла я твое испытание? – спросила я.

Она смотрела на меня таким взглядом, будто выбирала у торговца какую лошадь купить. Разве что зубы не потянулась посмотреть.

– Прошла, – буркнула она без особого удовольствия. – Демоны с тобой, девка, оставайся. Но монеты вперед не жди! А то я тебе заплачу, а ты сразу малого в охапку и за дверь... Работать, пока доверять тебе не начну, будешь за крышу и еду. Что на кухне останется к вечеру, то можешь съесть и малого своего накормить, – Марфа промедлила немного и добавила. – Вкусно готовишь, барышня. Думала, ты служба, а ты, получается, нет... Где так научилась?

– Долго рассказывать, – уклончиво ответила я.

– Мхм. Ну ты смотри, если ты не с солдатской безотцовщиной ходишь, а с бастардом, и тебя скоро стража придет искать, укрывать не стану. Так и знай. Не задумываясь сдам. Мне же еще и лучше – награду заплатят за дворцовую кухарку, которая дворянина охмурила, – Марфа махнула рукой и дальше допытывать не стала.

За это я была ей благодарна даже сильнее, чем за пусть и весьма своеобразную, но крышу над головой.

* * *

Утро застало меня на сеновале раньше оклика Марфы и прежде первого крика петухов.

Спала я в ту ночь беспокойно. Чего не скажешь о мальчишке. Он свернулся калачиком на сене и спокойно сопел, порой улыбаясь каким-то своим, вряд ли детским снам. Почему вряд ли, Малыш? Потому что я не была уверена, что отродье Дивов вообще видело сны.

Адвад же уютно расположился у меня на боку и распластался всеми конечностями в разные стороны. Во сне он сучил лапами, гоняясь за кем-то по своим кошачьим – а вернее, совсем не кошачьим – делам.

Я кое-как выбралась, стараясь не потревожить своих компаньонов, и спустилась во двор.

Мне хотелось немного побыть одной и подумать.

Новый день без особой спешки окутывал Зацветье золотыми покрывами. Над крышами уже стелился ровный летний свет, пока еще совсем не злой, скорее прозрачный, как ключевая вода. Где-то перекликались первые торговцы, занимавшие на площади места к ярмарке. Воздух пах хлебом, сеном и дорожной пылью.

Я взяла у Марфы корзину и пару медяков, которые она с вечера оставила на стойке. На солонину (пока побоялась тратить на нормальное мясо) и крупу для дневной похлебки. После чего пошла к площади. Хозяйка трактира, видимо, собиралась отдохнуть и по полной программе воспользоваться наличием работницы, ну а мне все равно требовалось осмотреться.

Как говорил один мой полководец – *«кто не знает земли у себя под ногами, рано или поздно проваливается в первую же яму»*. Правда, он имел в виду совсем другое, но фраза, в целом, подходила и к данной ситуации тоже.

Площадь к рассвету уже всю кипела.

Тесно, колесо к колесу, стояли обозы, гремящие сухими досками в такт не стихающему торгу своих владельцев. Женщины, с такими же корзинками, как у меня шупали зелень и продукты, мужчины приценились к инструментам и охотничьим орудиям, и в что одни, что другие, шугали ребятню с визгом и хохотом шнырявшую под ногами.

Я медленно шла вперед, попутно запоминая лица и голоса. Порой встречая уже знакомые мне. Гордей-пекарь разложил у своего обоза румяные караваи и зычно, со вкусом, зазывал покупателей. Завидев меня в толпе, он добродушно улыбнулся.

– Стряпуха Марфина! – окликнул он через головы. – Все же не прогнала тебя старая склочница? Гляди не загордись там у нее на кухне. Будет время, заходи к нам с женой. Поболтаем!

– Доброе утро, господни Гордей. Зайду, – пообещала я.

На войне это называлось разведкой. Я же надеялась, что мое обещание не перерастет в рекогносцировку – ту же разведку, но боем. Но Гордей не вызывал у меня какой-либо опаски, скорее даже наоборот. И дело вовсе не в том, что он говорил насчет «Императрицы» в трактире.

Рядом с его обозом наперебой судачили те самые женщины, которые вчера приметили Лушу. Они склонили головы и понизили голоса – но не настолько, чтобы я их не слышала.

– ...баронские-то опять налог подняли, – шептала одна. – С обоза вдвое против прошлого дерут. Тур, морда розовощекая, все ему мало.

– Тише ты, – шикнула вторая. – Услышит кто-нибудь из его прихвостней – вообще без монет останешься.

Я отметила про себя новое имя и пошла дальше. Любовь к чужим деньгам местного «хозяина» меня, на тот момент, совсем не касалась. Вот только мир, Малыш, увы, устроен так, что чужая жадность рано или поздно постучится и в твою дверь.

У колодца толпились девушки с ведрами, совсем не стесняясь того, что от их криков собаки уши к головам прижимают. Я сделала вид, что выбираю бусы из речных камешков, и прислушалась.

– ...а грамоту по всей округе читали, – тараторила одна из них. – Императрица, говорят, при смерти. Теперь, может, с войнами покончено будет. Хоть замуж нормально выйду, а не за солдата.

– Хорошо бы, – вздохнула дородная соседка. – Навоевались уже. У меня обоих братьев забрали. И ни один не вернулся.

– Про войну не надо, – недовольно буркнула третья. – Накличете.

Прежде чем они успели меня заметить, я ушла в сторону. Что в трактире Марфы, что здесь, на ярмарке, люди обсуждали примерно одно и то же. Я слушала, как меня заживо хоронят эти будто бы уставшие от войны люди. Уставшие от войны... мне тогда было смешно от этой мысли, Малыш. С виду сытые, чистые, большинство никогда не слышавшие, как кричит раненый, когда ему заживо отнимают искалеченную ногу. Как они могли устать от того, чего не видели?

Солонину я, в итоге, купила у мрачного мясника, а крупу – у сговорчивого старичка. Моя корзина, наконец, потяжелела, и можно было возвращаться обратно.

На обратном пути я встретила своего старого знакомого. Если так, конечно, можно выразиться.

Цветочный ларек одиноко скучал в сторонке, будто его специально старались обойти.

Ветхая дощатая будка с покосившимся навесом и пустыми полками. Краска на ней давно облезла, обнажив серое дерево. Ставенка висела на единственной петле и поскрипывала

от каждого дуновения ветра. В щели между досками торчал забытый прошлогодний букет. Стебли его высохли, бутоны рассыпались в труху, а ленты затянуло паутиной.

Если верить словам Марфы, а причины не доверять любительнице сквернословия у меня пока не было, то тут торговала цветами Цветава. Та самая, которая держала погибший сад на заднем дворе трактира. Старуха, как и ее цветы, померла по весне.

Цветава... я сильно сомневалась в том, что это было ее настоящее имя. Учитель сказал бы обратное. Но все Дивы слишком верят в судьбу.

Я остановилась перед заброшенным ларьком, сама не понимая зачем.

Площадь все еще шумела где-то за спиной, корзина неприятно оттягивала мне руку. А я стояла и смотрела на сухой букетик в щели. Что-то в нем меня цепляло. Нет, это была не жалость. Совсем нет. Жалости во мне к той поре, Малыш, оставалось совсем немного. И порой я сомневалась, была ли она вообще...

Скорее мое состояние походило на смутное узнавание. Словно я разглядывала не сухие, пожухлые стебли, а собственное отражение на мутном стекле.

Один из бутонов, наперекор всему, держался крепче прочих. Он, конечно, тоже высох и поник, но все еще не рассыпался. В нем еще теплилась тонкая, упрямая ниточка неугасающей жизни.

Я наклонилась к нему еще ближе.

Делать этого мне, конечно, совсем не стоило. Выторгованная у Учителя возможность раз в день, от рассвета до рассвета, шептать простые заклинания могла пригодиться в любой момент. Но... я была растеряна, Малыш. Растерянная, уставшая и не очень понимающая, что делать дальше.

Так что... да. Разумная женщина приберегла бы свой козырь до стоящей нужды – мало ли что может произойти за день. Я и сама считала себя «разумной женщиной». Двадцать лет, каждый день, с момента, как просыпалась – когда на перине, а когда и на циновке, укрывавшей землю в походе, я с холодной, безупречной точностью взвешивала каждый свой шаг.

Двадцать лет...

И все же я наклонилась к сухому бутону и прислушалась к нему. Не к тому, как скрипело то, что осталось от некогда пышных лепестков. Совсем не к этому.

Поверхностная суть вещей, Малыш, переменчива и ускользнет, стоит только ведьме или колдуну попытаться до них дотронуться волей и разумом. Но в самой сердцевине бутона еще дремало его кроткое, тихое имя. И я потянулась к нему. К его полузабытой памяти о том, каким он был, когда солнце по утрам звало его открыться навстречу ярким лучам.

Я нежно подняла его имя повыше, повернула к солнцу и прошептала даже тише собственного дыхания. Я рассказала старому цветку о том, что солнце все еще поднимается над крышами; что лето в самом разгаре и что они все уже заждались, когда их старый друг снова им улыбнется.

Сухие палочки дрогнули, а затем протянулись вперед и вверх. Лепестки распахнулись бархатистыми крылышками, и тонкая лоза оплела доску, на которой вдруг показались зеленоватые побеги. Тонкий аромат на миг перебил запах пыли и конского навоза.

Я медленно выпрямилась и перевела дух. В том месте, где я прежде ощущала свою силу, вновь зазвенела пустота. Я потратила свое заклинание.

И на что? На какой-то сущий пустяк.

Я тонко улыбнулась. Великая и ужасная ведьма, Хозяйка Теней, из жалости даже не к незнакомой покойнице, а к самой себе, расходует единственное волшебство на сухой букетик.

Подхватив корзину, я, не оглядываясь, быстрым шагом направилась обратно к трактиру.

* * *

Лучшей я занялась к полудню, когда после обеденного наплыва гостей удалось выкроить свободный час.

Я отвела его на задний двор, в заглохший сад Цветавы, где нам никто бы не помешал и не подслушал. Под ногами шуршал сухой бурьян, а одичавшие розы все норовили зацепиться за подол. И над всем этим запустением слегка мерцал сонный, летний зной. Я усадила мальчишку на старую колоду, а сама опустилась напротив.

Обучить создание Дивов магии? Проклятье, а может быть, Учитель вообще сделал его таким, что он никогда и ничего не поймет, сколько бы я ни объясняла. Вдруг это все не более, чем извращенный способ моего наказания. Может быть, спустя двадцать лет, Учитель решил мне напомнить о тех свитках и книгах, которые я у него выкрала.

В любом случае, выбора у меня не оставалось.

– Смотри, – сказала я и поднесла ладонь к чахлому стеблю у колоды. – У всего, что нас окружает, есть его сокровенное имя. Так же как у меня или у тебя, – я осеклась и посмотрела на улыбающееся отродье Вечных. – Возможно, у тебя тоже... Хорошо. Ладно. Давай начнем сначала. Итак. У всего вокруг есть его имя. Некая сокровенная суть. Некая черта, которая целиком и полностью отражает то, на что ты смотришь. И если прислушаться, не только ушами, а вообще всем собой, то ее сможешь услышать. Попробуй услышать имя стебля и попроси его поклониться.

Луша внимательно и серьезно меня рассматривал, а потом протянул свою ладошку к ближайшему стеблю. Точь-в-точь, как я, когда прятала под вуалью крылья Адвада.

Я уже было обрадовалась, но одно мгновение сменялось другим, а так ничего и не происходило.

– Не торопись, – я, насколько могла, попыталась сделать так, чтобы это прозвучало мягко. В конечном счете от этого создания зависела не только моя жизнь, но и вся Империя. – Если ты будешь так шуметь, то ничего не услышишь. Уйми свои мысли, чувства и эмоции.

О боги! Знал ли вообще Луша такое слово, как «эмоции»? Вдруг он был настолько же образован, как и тот парень по имени Велопш.

Мальчик покорно попробовал еще раз. На этот раз он как-то очень серьезно, сосредоточенно сдвинул брови и замер, едва не обратившись в камень. А вот стебель так и остался простым стеблем.

– Снова, – потребовала я.

Он пробовал снова и снова... и снова... и снова. Солнце уже резвыми шагами направилось к западу, тени удлиннились, а у меня так ничего и не получалось. Мальчик старался изо всех сил – я видела, что старался, – но между ним и таким значительным, совсем маленьким именем стебля будто возникла глухая стена. И чем настойчивее я твердила «старайся, успокой свои мысли, прислушайся», тем плотнее она становилась.

Я уже едва было не прикрикнула на это создание, как...

«Мама, у меня не получается писать! Одни каракули какие-то».

«Хорошо, маленькая, иди сюда... давай тогда просто порисуем, ладно?»

«Хорошо, мама, а что мы будем рисовать?»

«Дай-ка подумать... а давай нарисуем твоего папу?»

Я ненадолго позволила себе затеряться в собственном детском воспоминании, после чего опять посмотрела на растерянного мальчишку. Или он только выглядел растерянным. Или он вообще – только выглядел мальчишкой?

Проклятые Дивы!

Я усадила Лушу поудобнее и велела ему закрыть глаза и ровно дышать. Подбирая как можно более простые слова, едва ли не изъясняясь так, что меня и осел бы понял, я рассказывала ему сказки. Те же самые, которые мне, когда-то, рассказывал Учитель. Сказки о том, что мир полон голосов, нужно лишь замолчать, как тут же их услышишь. Сказки о том, как в весенней капели можно, если не пытаться заставлять капель оставаться капелью, услышать, как забавно она скрипела первым, пушистым снегом. Как в раскатах грома резвится веселый бриз, только и ждущий, чтобы растрепать тебе волосы. И как среди птиц можно рассмотреть тропы, по которым и ты сам можешь пройти, если узнаешь у облаков их имена.

Я рассказывала о том, как...

Внезапно я скосила взгляд чуть ниже и увидела, что несносный мальчишка, вытянувшись вдоль полена, положил мне голову на колени и... уснул.

– Да слушай же ты! – не выдержала я наконец. – Ты ведь наполовину Див!

Луша встрепенулся и так сильно отодвинулся в сторону, что я сама едва было не полетела вниз на траву.

– Все! – гаркнула я и вскочила на ноги. – Хватит! На сегодня достаточно.

Луша виновато на меня посмотрел, а я лишь отвернулась и направилась обратно в трактир.

Малыш, я клянусь всеми богами, я была уверена, что он заодно с Учителем и просто издевается надо мной.

В конце концов накануне, у печи, пламя сальной свечи вдруг замерло и вытянулось ровным язычком под взглядом этого мальчишки. Без какого-либо обучения. А значит, мальчишка владел даром слушать имена, причем с самого рождения. И для этого ему, в отличие от меня, не приходилось заключать никаких сделок. Ему не требовалось обменивать свой смертный век и возможность провести его не одной на силу.

Меня что-то опять потянуло за подол. Я уже собиралась отмахнуться от назойливой розы, как заметила маленькую ручку, тянущую меня вниз.

– Чего тебе?! – взывала я.

А Луша, улыбаясь от уха до уха, протянул мне лютик. Самый обыкновенный, ничем не примечательный лютик. Он смотрел мне в глаза и тянул цветок наверх.

Может, я ошиблась? Может, он Инэ? Во всяком случае, Адвад, когда был виноват, тоже вел себя примерно подобным образом.

Я вздохнула и приняла подарок.

– Ну и пара же из нас с тобой, неведомое создание, – сказала я, потрепав его по черным вихрам. – Я понятия не имею, как учить, а ты не умеешь учиться. Весело будет.

Луша засмеялся и, быстро, на пару мгновений, обхватив мою ногу, уже понесся следом за... соседским котом, который все это время пытался подобраться к хвосту мирно дрыхнувшего на солнце Адвада.

Ну, хоть кому-то было хорошо.

* * *

К ужину зал снова начал наполняться. Я хлопотала у печи, Марфа разносила миски, а у очага в общем зале грелась семья – погонщик с женой и дочкой лет пяти. Девчушка, несмотря на предостережения матери, все крутилась рядом с огнем.

Вскоре раздался пронзительный вскрик.

В какой-то момент девочка неловко качнулась, запуталась в собственных ногах и, спасаясь от падения, инстинктивно схватилась за край горячей заслонки. И тут же, все же рухнув на дощатый пол, отдернула руку. Воздух прорезал тонкий, отчаянный вопль. На ладонке у

нее уже вспухал багровый рубец ожога. Мать кинулась к ней, прижала к себе и начала что-то голосить.

Я отложила в сторону поварешку и бросилась к ребенку. Бросилась прежде, чем успела хотя бы подумать, зачем мне это. Тело само сделало шаг, затем другой, затем третий, а моя рука сама потянулась к плачущему ребенку.

Я ведь умела, Малыш, я знала, как это делается. Как услышать рану, отыскать в ней испуганное, обиженное имя живой плоти и шепнуть ему пару слов, попросив затянуться, остыть, успокоиться. Совсем простенькое, маленькое заклинание. Это ведь не отсеченная палашом рука и не раздробленная молотом спина.

Пока ранка небольшая, пока не появилось шрама, требовались лишь самые элементарные чары.

Вот только магии у меня уже не осталось.

Рука моя замерла в воздухе на полпути к девочке. Такая же бесполезная, как сломанный клинок.

Я так и застыла на полпути, на миг ощутив себя такой бесполезной, что...

Эта мысль привела меня в чувство. Меня много как называли, Малыш. От гулящей девки, продавшей Дивам, до, разумеется, кровавой и злой ведьмы. Но уж точно никто бы не назвал Императрицу Мирграда бесполезной.

Кто-то нес к нам плошку с жиром. Я выбила ее из рук и посмотрела в глаза престарелой дуре.

– Ты что, стряп...

– Рот закрой! – гаркнула я на нее и повернулась к Марфе. – Воды холодной, живо, – так же, как когда-то своим солдатам, приказала я. – Не масло и не жир. От них пленка появится, и будет только хуже. Нужна ледяная вода. Тонкой струйкой полить на ожог. Потом влажной холодной тряпкой обмотать и следить, чтобы не прилипла.

Пока седовласая женщина с ненавистью смотрела мне в спину, Марфа уже бежала к нам с ковшом. Мать подставила ладошку дочери под холодную струю. Девочка заходила в истерику, но мало-помалу она стихала до испуганных всхлипов. Марфа вытащила из-под стойки чистую тряпку, оторвала полосу и ловко перевязала ожог.

Забавно, но мое волшебство оказалось тут совершенно лишним. И все-таки меня не покидало ощущение бессилия.

Я стояла в стороне и смотрела, как простая трактирщица тратит время на то, что прежде заняло бы у меня меньше мгновения. Не говоря уже о том, что ожог затянется еще далеко не скоро. Девочка проплачет полночи и потом еще будет несколько дней вскрикивать каждый раз, когда неловко повернет ладошку. А я ничем не смогла ей помочь.

И все потому, что утром выбрала цветок.

– Ты чего там застыла, барышня? – окликнула Марфа. – Помоги ребенка успокоить.

Я едва было воздухом не поперхнулась.

Успокоить ребенка?

А это как вообще?

Я молча подошла к ним ближе и села на пол рядом с девочкой и матерью. Отец в это время уже выяснял у остальных посетителей, где можно найти лавку лекаря.

Я понятия не имела, как утешать детей, Малыш.

А то, что делала ее мать:

– Не плачь, не плачь, маленькая моя, все будет хорошо, все будет в порядке, – казалось мне немного странным.

Зачем она врала своей дочери? Хорошо ничего не будет. Если у семьи не было весьма неприличной суммы денег, чтобы обратиться к колдуну, то девчонка обречена до конца своих дней носить на руке уродливый шрам.

Я не понимала этого.

Так что вместо того, чтобы присоединяться к вранью, просто тихо и ровно заговорила с ней о всяких пустяках. О том, что завтра ярмарка, что будут пряники и леденцы, что ладошка пусть поболит, но в какой-то момент перестанет. Мои собственные слова звучали для меня какими-то чужими и даже немного нелепыми. Но девочка слушала и понемногу затихала.

Когда девочку увели к подъехавшей телеге – отец, все же, смог разузнать про лекаря, – мать ненадолго задержалась рядом со мной.

– Спасибо тебе, – прошептала она, комкая в руках платок.

Она явно ждала, что я скажу что-то в ответ, но я только кивнула и отвернулась к печи. А что я должна была сказать? Что ей следовало лучше следить за ребенком? Мне хотелось. И еще три дня назад я бы точно так и поступила.

А теперь... теперь я никак не могла забыть тот дурацкий цветок.

Глава 5

Барон

Долгую осаду выигрывает не тот, у кого острее клинок, а тот, у кого дольше не кончаются хлеб и терпение. К исходу второго месяца в Зацветье я могла бы прочитать об этом целую лекцию. Если, конечно, Александр решил не прекращать строительства Университета, который мы заложили несколько лет назад.

Лето, по-южному щедро, постепенно, медленно и не очень охотно семенило к своему закату. Дни в Зацветье все еще были длинными и украшенными золотыми лучами тепла, но к вечерам в воздух уже закрадывалась первая, едва уловимая прохлада. Я, признаться, порой про себя отсчитывала оставшийся мне срок. Год и один день. Тогда, в избе, этот срок казался мне непомерно долгим.

Да, Малыш. Я была уверена, что времени у меня в избытке.

Иногда, посреди самого душного полудня, по кухне вдруг проходил короткий холодок. Он огибал печь, затем ловко миновал меня и непременно обходил стороной мальчишку, словно не желал его коснуться. Я знала, чьи это проделки, и старалась не обращать на них внимания. Учитель имел дурацкую привычку регулярно о себе напоминать.

Как будто я могла забыть...

Марфа к тому времени давно перестала гонять нас на сеновал. К концу первого месяца она молча кивнула на узкую каморку за кухней, где прежде держала старую утварь, и буркнула, что скоро вся стряпня сеном из-за меня провоняет. Спорить я не стала. Каморка оказалась тесной и насквозь пропахшей пылью, зато сухой и теплой, а большего нам с Лушей и не требовалось.

Сам трактир за минувшее время изменился практически до неузнаваемости. Прежде сюда заходили, чтобы выпить и забыться, а теперь – чтобы поесть. По вечерам зал гудел сытым,

довольным гулом; скрипели скамьи, стучали кружки. Мне все еще немного странно было вспоминать тот первый вечер, когда Марфа недоверчиво оглядывала пустой котел и не верила, что его выскребли подчистую.

Я работала от первых петухов до глубокой ночи, и мне это, как ни странно, было по душе. В монотонной возне у печи я по-прежнему находила свой покой.

Каждое утро я придумывала, чем накормить полный зал, имея под рукой почти пустые полки. Марфа отпускала мне на закупки сущие гроши, и из этих скромных средств мне приходилось выдумывать невозможное. В какой-то момент это превратилось в своего рода поединка с самой собой.

В одно утро я, к примеру, превратила вчерашнюю репу, горсть ячневой крупы и обрезки солонины в густую похлебку, от которой у первого же гостя удивленно поднялись брови. Весь секрет заключался в том, чтобы обжарить лук до золотистого цвета и не торопить огонь. Стоило сущие пустяки, а съели все опять подчистую.

Можно сказать, что из ячневой крупы, дешевой зайчатины и того, что подвернется на ярмарке, я выжимала все до последней капли так же упрямо, как когда-то выжимала победу из своего вымотанного, голодного войска.

Даже остроносая сварливая тетка с лицом, как у любопытной крысы, та самая, что когда-то во весь голос звала Императрицу кровопийцей, теперь заходила к нам обедать чуть ли не через день. Меня она по-прежнему недолюбливала и косилась с подозрением, но похлебку хвалила – на свой манер, правда, всегда ворчливо и вечно через губу.

– Не отравишь хоть? – спросила она однажды.

– Сегодня – нет, – ответила я, и, кажется, это ее отчасти не столько успокоило, сколько... не знаю, Малыш. Я никогда не понимала людей, которые стараются казаться хуже, чем они есть на самом деле. Возможно потому, что, в целом, такие не задерживались на военных советах. Мне требовались профессионалы с холодной логикой и таким же ледяным сердцем, а не те, кто постоянно пытается выдать свою маску за прячущуюся под ней, совсем иную действительность.

Но с каждой неделей таких, как та госпожа, становилось все больше. По городу поползли слухи, что у вдовы Марфы наконец-то можно поесть по-человечески, и в трактир потянулись те, кто прежде обходил его стороной. Заглядывали путники с тракта, заходили мастеровые после работы, забредали даже приказчики из приличных лавок.

Я запоминала их лица и привычки. Просто по старой привычке. Примерно так же, как раньше запоминала какие-то важные детали о наших противниках. Кто любит погуще, кто не выносит лука, кто оставит лишний драб, если подать ему первому. Бесконечные совещания, планирования и прочие, теперь кажущиеся такими далекими, заботы Императрицы научили меня простой вещи – обращать внимание на нюансы. Как на поле боя, так и у печи.

Луша тоже не сидел сложа руки. В основном сновал между столами, унося грязные миски. Что до Адвада, то несносный Инэ себе не изменял. Все так же вел под лавками свою тайную войну – облагал данью зазевавшихся гостей и утаскивал в укрытие то корку, то кусок солонины.

Забавно, да, Малыш? Мы трое, каждый на свой лад, держали этот маленький фронт. И, признаться, держали неплохо.

Было и еще одно, чему я научилась за эти недели.

После того ожога (*помнишь, Малыш, ту девочку и тот дурацкий цветок?*) я зареклась тратить единственное заклинание на пустяки. Теперь я берегла его до настоящей нужды, и чаще всего так и засыпала, ни разу за день не потревожив свою единственную каплю силы.

Глупо, конечно.

Чаще всего никакой нужды и не случалось, и капля пропадала зря, утекая вместе с светом. Но всякий раз, как рука сама тянулась поправить что-нибудь по мелочи, я вспоминала перевязанную детскую ладошку и одергивала себя.

– Слушай, барышня, – однажды вечером Марфа подкараулила меня у стойки, вытирая руки о передник. Она уже давно знала, как меня зовут по имени, но неизменно обращалась именно так. – Я вот все думаю, но не пойму.

– Чего не поймешь?

– Тебя не пойму, барышня, – она слегка прищурилась. – Другая бы на твоём месте давно прибавку начала требовать. Или хоть выходной попросила. Да, боги и демоны, хоть поскандалила бы, что спина к вечеру отваливается. А ты молчишь. Второй месяц молчишь. Мне иногда начинает казаться, что пни чаще разговаривают, чем ты.

Я пожала плечами и продолжила оттирать котел.

– Мне и так хорошо.

– Вот это-то меня и пугает, – Марфа хмыкнула и облокотилась на прилавок. – Нормальные люди жалуются. У одной спина, у другой монет почти не осталось, а к зиме уже скоро готовиться надо. У третьей... не знаю... муж либо пьет, либо идиот, либо все сразу. А ты ничего не просишь и ни на что не плачешься. Так не бывает, барышня.

– Видимо, бывает.

Марфа фыркнула – она фыркала так часто, что я давно перестала обращать на это внимание, – и не нашлась, что ответить. Я не стала ей объяснять, что человек, привыкший двадцать лет требовать от людей почти невозможного, отвыкает просить о малом. Когда тебе достаточно приказать, ты попросту разучиваешься просить.

Хотя кое-что все же менялось. Марфа, ворча, стала оставлять мне на стойке чуть больше монет на закупки. А как-то раз, проходя мимо, сунула Луше леденец – и тут же сделала вид, будто ничего такого не было и быть не могло.

Впрочем, я подозревала, что Марфа сделала это не просто так. Мальчишка буквально воспылал энтузиазмом и решил, что мисок ему уже мало. Он мыл столы и скамьи, таскал воду из колодца, чистил овощи, обязательно превращая даже самую монотонную работу в веселую игру. Гости к нему привыкли и почти перестали коситься. Немой мальчишка с неизменной счастливой улыбкой сельского дурака и озорным взглядом мало кого смущал, если, конечно, вовремя убирал с их столов.

Кроме меня.

Меня его веселье неизменно раздражало.

Зато была у него одна повадка, от которой у меня всякий раз что-то странно сжималось в груди. Свою долю еды он почти всегда делил надвое и большую половину неизменно отдавал Адваду, а себе оставлял крохи. Я порой выговаривала ему за это – сам, мол, тощий, как щепка, – а он только улыбался щербатой улыбкой и снова подвигал коту лучший кусок.

За два месяца я так и не услышала от мальчишки ни единого слова. Так что пришлось научиться понимать это исчадьё без слов. Порой по взгляду, иногда по наклону головы, по тому, как он замирал и тянул меня за подол, когда хотел что-то показать. В какие-то моменты мне и вовсе казалось, что таким образом он умудряется сообщить больше, чем некоторые за целый час беседы. А иногда я настолько терялась среди его бессвязных жестов, что была готова выть.

Порой даже поддавалась своим порывам.

Говорят, что в городе стражники несколько ночей искали волков.

Не нашли.

Что до главного, то с уроками дела обстояли куда хуже. Изредка, раз в несколько дней, не чаще, у него что-то получалось. Однажды он замер над огарком свечи, и пламя послушно вытянулось и застыло под его взглядом, как в самый первый вечер. В другой раз чахлый стебель у колоды едва заметно качнулся ему навстречу, хотя ветра не было и в помине. Но стоило мне обрадоваться и потребовать повторить, как между мальчишкой и волшебными Именами снова вырастала глухая стена. И чем сильнее я налегала, тем плотнее она становилась.

А еще у Луши завелся сообщник. Адвад продался ему уже спустя месяц регулярной подкормки. Стоило мне отвернуться, как эти двое сбивались в угол и затевали свою тихую возню, наивно полагая, что никто не видит.

– *Предатель*, – шепнула я как-то вечером, проходя мимо лавки, под которой развалился кот.

– *Он... делится едой... а ты – нет*, – донеслось снизу. – *Выводы... очевидны... сестра*.

Кошачья логика была неоспорима. Так что я лишь махнула рукой на постепенно полнеющего Инэ. Интересно, сможет ли он, с таким пузом, летать после того, как выздоровеет. Но пока меня данный вопрос не так, чтобы сильно интересовал. Адвада, видимо, тоже.

Гордей-пекарь заглядывал теперь часто к нам.

В то утро он ввалился в трактир с корзиной горячих караваев и водрузил ее на стойку с видом полководца, доставившего обоз с провиантом в осажденный город.

– Принимай, Анна, – пробасил он. – Свежие, с пылу, с жару. Жена просила передать на пробу. Если что не угодит, ты скажи, мы переделаем.

– Угодит, – сказала я, разворачивая холстину.

Хлеб и правда был хорош – высокий, румяный, с тонкой хрустящей коркой. Я отщипнула корочку, и она с приятным треском поддалась под покрывшимися мозолями пальцами. Но их я, почему-то, не замечала.

– То-то же, – Гордей самодовольно подбоченился, потом понизил голос и заговорщицки склонился ко мне через стойку. – Слушай, Любава моя со вчерашнего вечера покоя не дает. Говорит, ты ей на той неделе показала, как тесто на простокваше заводить, чтоб мягче вышло. Откуда, говорит, у простой стряпухи такие хитрости?

Я мысленно отвесила себе подзатыльника. С Гордеем нужно было держать ухо востро. Не потому, что он страдал алчностью или иными пороками, а просто потому, что добродушные болтуны порой опаснее дознавателей.

– Долго рассказывать, – уклончиво ответила я.

– Вот и Любава так говорит. Что ты у нас, Анна, прям загадочная, – он коротко хохотнул. – А еще смеется, что мы с тобой как два кота над одной крынкой. Заладили рецептами меняться: ты ей про вымоченную солонину, я тебе про закваску. Со стороны, говорит, забавно наблюдать. Два повара за одним столом, и каждый все пытается доказать другому, что именно он прав. При этом обычно все вокруг сытые, а мы голодные.

– Бывает и хуже, – заметила я.

Я никогда не отличалась особой разговорчивостью, Малыш.

– И не говори, – он отломил себе корку от собственного каравая и продолжил жевать. – Слушай, Анна. Заходи в седьмой день? Любава пирог затеяла. С вишней. Тебя звала, ну и малого твоего. А то она все допытывается, что у тебя за фокусы с тестом. Боится, что ты у нас дело уведешь. В шутку, конечно. Но иногда мне кажется, что уже не совсем в шутку. Женщины... Ой, прости. Иногда я забываю, что ты тоже это... ну... женщина.

Раньше бы я восприняла это в качестве комплимента...

В дом к Гордею я и впрямь навещалась. Сперва – из тех же соображений, которые заставляли меня порой изменять маршрут до торговой площади и ходить по новым улицам. Чтобы запомнить лица, понять, чем дышит город. Разведка...

Но Гордей с женой не вызывали у меня и тени опаски, а их дом пропитался таким уютом, что разведка как-то незаметно для меня самой превратилась в обычные обеды.

Семья у пекаря была большая и, по местным меркам, зажиточная. Любава, миловидная невысокая женщина с короткой шеей и густой, длиннющей косой, держала швейную мастерскую и зарабатывала, по слухам, даже больше самого Гордея. Портних в Зацветье ценили, тем более тех, кому повезло родиться с золотыми руками.

Старший сын служил в городской страже; Гордей упоминал его то с гордостью, то с привычным отцовским ворчанием – мол, жалованье хорошее, а домой не дозовешься. Дочь давно уже вышла замуж за фермерского сына. А младшего родители собирали в дорогу.

– В Ушкавид поедет, – с гордостью сообщил Гордей, поднимая измазанный мукой палец. – Большой город. Пара дней верхом. Будет на писаря учиться. Грамотный человек выйдет.

– Признайся, дорогой, – подмигивала ему Любава. – Ты его на это уговорил только из-за Велюша.

Гордей аж вздрогнул. У пекаря и необразованного юноши складывались какие-то свои, взаимно неприязненные отношения. Порой до смешного забавные, а иногда весьма острые.

– Писарь – это хорошо, – согласилась я.

– Еще бы! – Гордей мгновенно расплылся в улыбке, потом вдруг будто вспомнил что-то и махнул рукой в сторону окна. – Слушай, а ты видела, что на площади творится? Всех раз-

гоняют постепенно, скоро, говорят, налог на торговлю введут дополнительный. По размерам ларька, что звучит даже бредово. Если у кого-то товар по размерам больше, не значит, что он и зарабатывает с него тоже больше. Ерундой какой-то занимаются. И прямо накануне праздника Солнца. Прямо как назло.

– Праздник Солнца? – переспросила я.

В Империю вошло так много княжеств, у каждого из которых имелись какие-то свои мелкие отличия религиозной сферы жизни, что я уже давно потерялась во всех деталях.

– Ну да. Через две недели город опять закипит. Прямо как во время ярмарки. Только в этот раз еще и дворяне из окрестных поместий понаедут. Цветы будут целыми возами скупать. У нас так заведено: на праздник Солнца дарят цветы. Много цветов. Кто кому может – тот тому и дарит, – он причмокнул и подул на кромку горячего травяного настоя. – Цветочники в эту пору на год вперед монету сшибают.

– Возами, говоришь, – отметила я, задумавшись.

– А молодежь вообще с ума сходит, – добавил он, понизив голос и подмигнув. – У нас ведь как. Если парень девушке на праздник Солнца цветы подарил, то все! Считай, посватался! Половина свадеб в Зацветье потом по осени с этого и начинается. Дочь моя, вон, тоже с букета... ай, да не суть, – он не то умиленно, не то озабоченно вздохнул. – Теперь внука жду.

– Поздравляю, – сказала я.

– Да чего там. – Он отмахнулся, но видно было, что доволен. – Ты вот что, Анна, если собралась что-то придумать с Марфиным садом, то не тяни. До праздника всего ничего осталось, а спрос будет – сама увидишь. Хорошее дело. Сезонное, правда, но тоже ничего. Цветава, да будут боги к ней справедливы, тем и кормилась.

Вечером того же дня, когда зал опустел, я села пересчитывать дневную выручку.

Считала медленно, порой сбиваясь и заново перебирая монетки. Деньги в Зацветье, как и по всей Империи, были одни и те же. Одна из первых реформ, которую я провела через тогда еще только-только созданный Парламент. Просто для того, чтобы упростить торговлю между регионами. И, боги, Малыш, сколько трудов мне стоило убедить некоторых людей, не способных видеть дальше собственного интереса, что это им же пойдет на пользу.

Крупная монета называлась гур, и в один гур входило сто драб. Драб – мелкая медяшка, на которую можно было выторговать пучок зелени или кружку дешевого пива. Гур же в трактире видели нечасто, и свои Марфа берегла в тряпке под половицей. На один гур можно было купить пару добротных сапог или месяц кормиться семье из четырех человек.

Почему именно такие названия? Если честно, то не знаю. Просто вот такие слова придумала, когда составляла приказ, и все. Так что мне, порой, было забавно слушать придворных, пытавшихся отыскать в названии нашей валюты какой-то тайный смысл.

Самое смешное, Малыш, что прежде я не особо ощущала стоимости денег, которые сама же и создала.

Двадцать лет я мерила деньги едва ли не на вес. Тысячи гур на жалованье войску. Десятки тысяч на флот, который я строила, чтобы обеспечить безопасность побережья. Сотни тысяч на крепости, дороги, фортификационные линии и новые города. Числа в казначейских свитках порой оказывались такими длинными, что у писарей сводило пальцы, а я лишь скользила по ним взглядом, особо не задерживаясь. Гур был для меня не столько деньгами, сколько единицей, которой меряют завоеванные земли.

И время до того момента, пока кто-нибудь не решится попытаться завоевать их снова, но уже у меня самой.

Иронично...

Помню, как однажды казначей принес мне свиток с расходами на новый флот. Сумма там стояла такая, что и выговорить трудно. Я, даже не дрогнув, подписала документ и пошла обедать. А теперь я сидела над горсткой драб и прикидывала, хватит ли их, чтобы завтра купить

нормального мяса вместо жил и ребухи. И, знаешь, Малыш, второе давалось мне куда труднее первого. Шестнадцать драб, в которые обходился килограмм зайчатины, казались мне теперь большими деньгами. Очень большими. И их еще требовалось заработать – миска за миской, кружка за кружкой.

Денег вечно ни на что не хватало.

Трактир, пусть и преобразившийся в вопросе гостей, фактически разваливался прямо на глазах: крыша текла, ставни висели на одной петле, половицы в зале прогибались под ногами. А что до кухни, то хотелось наконец покупать нормальные продукты, а не выторговывать у мрачного мясника обрезки. И, если честно, нам с Лушей не помешала бы одежда. Мальчишка, видимо, был создан с одной целью – вывести меня из себя. И добивался он этого тем, что настойчиво вырастал из своих штанов с кривыми желтыми цветочками. А еще мой плащ давно превратился в дорожную тряпку, намекая, что скоро то же самое произойдет и с платьем.

И вот тут праздник Солнца, о котором обмолвился Гордей, пытался выдать себя за нечто похожее на план.

Я отложила монеты и посмотрела в темноту за окном, туда, где за стеной трактира раскинулся мертвый сад покойной Цветавы.

Звучало так себе...

– *Смотри, маленькая, – голос матушки вновь обжег память. – Розе нужна опора, иначе она сломается под собственной красотой. Вот так подвяжем, неплотно. Видишь? Теперь ей не страшны ни ветер, ни дождь.*

– *А она вырастет большая-пребольшая?*

– *Если будешь о ней заботиться, то самая большая на всем свете!*

Земля под ногтями, теплый запах перегноя, мамины руки поверх моих. Я давно похоронила все это вместе с родителями, Малыш. Но когда темнело, вглядываясь сквозь мрак в безжизненный сад Цветавы, я вспоминала только это.

В тот же вечер я не утерпела и вышла на задний двор. Сад Цветавы тонул в густых синих сумерках. Под ногами шуршал сухой бурьян, одичавшие розы тянули ко мне колючие плети. Над запустением висел теплый, густой запах нагретой за день земли. Я стояла и прикидывала, с чего начать и сколько уйдет времени.

Сзади тихо скрипнула дверь. Луша прибежал следом – он почти всегда прибегал следом, бесшумно, как тень, – и встал рядом, сунув холодную ладонь в мою. Какое-то время мы вместе разглядывали едва ли не пустырь.

Потом мальчишка наклонился, сорвал у колоды самый невзрачный чахлый сорняк и протянул его мне. Серьезно, даже торжественно, будто подносил не сорную траву, а королевскую грамоту. Я приняла. За два месяца я успела привыкнуть к этой его странной манере – дарить мне то лютик, то корявую веточку, то вот сорняк. Порой камень. Несколько раз червей. Данная логика мне была так же не ясна, как и логика Адвада. Но, возможно, именно так эти двое и подружились...

– Спасибо, – я уже привычно поблагодарила создание Дивов. – Что скажешь, если попробуем заработать на цветах, мальчишка? Впрочем, вряд ли ты понимаешь концепцию денег. Но хоть слушаешь внимательно. Как думаешь, получится у нас воскресить данное безобразие?

Луша улыбнулся во весь свой щербатый рот и кивнул.

Затея эта так меня разобрала, что наутро я не выдержала и поделилась ею с Марфой. Про дар Луши и про магию я, разумеется, ничего не упоминала. Сказала только, что хочу поднять сад Цветавы и торговать цветами к празднику.

Марфа слушала, опершись на метлу, и долго молчала.

– Затея, в целом, барышня, неплохая, – сказала она наконец. – Двор и правда зря пропадает, а руки у тебя, я гляжу, растут не из задницы. Что уже неплохо. Но... не советую сильно обольщаться, барышня. Тут не без проблем. Причем не от нас зависящих.

Ну разумеется... а то хоть когда-нибудь в моей жизни что-то складывалось иначе.

– Каких именно?

– Барон, – Марфа так поморщилась, будто откусила чего-то кислого. – Все цветочное дело в округе под Туром. Это он торгует цветами с дворянами. Поставляет им заказы на праздники. Ну и там в замки если надо, что-то по поместьям. И чужим в эту лужу лезть не позволяет. Хочешь цветами торговать – придется у него лицензию выкупать. А без бумаги ты и веточки не продашь. Тут же стражи весь товар отберут и оштрафуют. А если не повезет, то еще и избыют, пока в застенках продержат. А тебя...

Она окинула меня оценивающим взглядом.

– Тебе, барышня, я бы вообще посоветовала дважды подумать, прежде чем пытаться без лицензии торговать. Тебя избивать не будут, но застенки тебе понравятся ничуть не меньше, чем остальным.

– Значит, нужна лицензия, – повторила я.

– Лицензия, – кивнула Марфа. – Цветава, бедолага, и та ему платила. А с тебя, чужой, он вообще три шкуры сдерет. Поверь, барышня, дешевле тебе обойдется просто и дальше похлебку разливать. Не связывайся ты с этим боровом.

Я, разумеется, не послушала.

На следующее утро, приготовив обед и оставив зал на Марфу, я отправилась в городскую управу.

По дороге через площадь я снова прошла мимо заброшенного цветочного лотка – того самого, у которого пару месяцев назад сгруппировалась и потратила свое заклинание на сухой цветок. Тот все еще был жив. Тонкая лоза по-прежнему оплетала серую доску, и среди облезлых щепок упрямо зеленели несколько свежих листьев. Единственное, что осталось у меня от того дня, кроме горького урока. Я скользнула по нему взглядом и пошла дальше.

Управа ютилась в приземистом доме у самого края площади, под выцветшим княжеским гербом. Внутри пахло пылью, чернилами и казенной скукой. За высокой конторкой сидел чиновник с лицом человека, давно уставшего от чужих просьб. Он выслушал меня вполуха, переспросил имя, поморщился и принялся катать по столешнице гусиное перо.

– Лицензия на торговлю цветами, – протянул он, разглядывая что-то поверх моей головы. – На имя стряпухи из «Кривого петуха». Любопытно.

– Я хочу оставить прошение, – сказала я ровно. – Что для этого требуется?

– Оставить можете, – он зевнул, прикрывшись ладонью. – Бумагу заполните, печать поставим, в очередь занесем. Только вот что я вам скажу, барышня. Таких бумажек у меня целый ларь. И вряд ли вы своего добьетесь. И под «вряд ли» я подразумеваю примерно... дайте-ка подумать... еще секундочку... примерно никогда.

Я смотрела на него и думала, до чего же маленькие люди любят чувствовать себя большими и важными. Двадцать лет я имела дело с такими в каждом завоеванном городе, в каждом наместничестве. Я знала эту породу буквально вдоль и поперек. Заносчивую ровно настолько, насколько позволяет им властный чин или титул. Уговаривать их было совершенно пустой тратой времени, сил и нервов. Их можно было лишь напугать чем-то, что находится за пределами их «владений».

– Вряд ли, говорите, – сказала я негромко. – Что же. Тогда я напишу в управу Губернии. Опишу подробно, как тут принимают прошения честных горожан и сколько лет они пылятся у вас в ларе. Заодно поинтересуюсь, почему цветочное дело такое особое и почему для него требуется столько бумаг. Вы ведь не против?

Перо в руке чиновника замерло.

Управа Южной Губернии находилась высоко над бароном и этой пыльной конторкой. Кто-кто, а чиновник знал это ничуть не хуже меня самой... Ладно, возможно, хуже. Потому

что это именно я, вместе с Александром и остальными в Парламенте, и создала данную иерархическую цепочку.

Надеялась на самоуправление Губерний, чтобы не приходилось постоянно решать каждый вопрос через толпы просителей около моего кабинета.

Лицо у безымянного чиновника вытянулось, скука мигом сошла на нет, и он впервые посмотрел на меня как на живого человека. Ну или так же настороженно, как смотрят на собаку, которая вдруг оказалась не такой смирной, как казалась.

– Ну зачем же сразу в Губернию, – забормотал он, выпрямляясь и хватаясь за чистый лист. – Зачем же так, госпожа? Незачем беспокоить столь высоких людей по таким пустякам. Я посмотрю, что можно сделать. Прощение ваше, разумеется, приму. Непременно приму, госпожа. Даже не сомневайтесь. И, конечно же, тут же, с первым посыльным, отправлю Его Светлости Барону.

– Вот и славно, – ответила я и вышла.

Обратно в «Кривой Петух» я возвращалась с чувством маленькой, но приятной победы, пока еще не зная, что выиграла только самую первую битву.

Барон явился тем же вечером.

Я как раз снимала с огня котел, когда дверь трактира распахнулась без стука, и в зал ввалилась баронская свита. Несколько солдат в потертых кожаных куртках, с короткими мечами на поясах и скупающими лицами людей, привыкших стоять за чужой спиной. Гомон в зале разом стих. Гости вжали головы в плечи и уткнулись в свои миски, словно надеялись, что это сделает их невидимыми.

Следом за своими людьми, не торопясь, вошел сам барон Тур.

Он был грузен и тяжел. Каждый его шаг отзывался жалобным скрипом половиц. На пальцах теснились перстни, глубоко врезававшиеся в пухлую плоть. Снять их, скорее всего, уже не представлялось возможным. От барона тянуло сдобой и чем-то приторно-сладким, словно он только что вышел из кондитерской, где еще и пообедал. Маленькие глазки скользили по залу, ни на ком толком не задерживаясь.

Мне даже стало немного забавно. Я не уверена, Малыш, что когда-то видела более стереотипного мелкопоместного барона, чем господин Тур. Нет, решительно, он словно сошел со страниц какой-то не очень оригинальной истории или с уст пьяного наемника, рассказывающего байки столь же трезвым сослуживцам.

Барон прошел к стойке, грузно опустился на охнувшую под ним скамью и поманил Марфу пухлым пальцем.

– Слышал, Марфа, у тебя стряпуха новая работает, – прохрипел он, не утруждая себя приветствием. Голос у него звучал под стать внешности – сыто и лениво. – Уже весь город про твой трактир жужжит. Думал, выдумывают. А тут вон оно что. Смотрю, теперь у тебя не только вонючую брагу и похлебку подают. Получается, не врал.

– Не наврала, – сухо отозвалась Марфа.

– Вижу, вижу. – Барон обвел взглядом полный зал и причмокнул. – Прямо людно у тебя, Марфа. А раньше, помню, мимо твоей развалюхи иначе как зажав нос и не пройдешь, а теперь народа прямо не протолкнешься, – он хохотнул собственной шутке, и свита у дверей послушно осклабилась. – Про налоги спрашивать не буду, Марфа. Ты мне лучше скажи, чего это твоя работница в цветочницы подалась. Прощение, говорят, подала. В управу, – он повернул голову в мою сторону, по-прежнему не глядя мне в лицо, а куда-то на передник. – Это ты, кстати, стряпуха, что ли?

– Я, – ответила я, не видя смысла отпираться.

Не то, чтобы барон знал меня в лицо. Не то, чтобы во всей Империи набралось хоть с десяток человек, которые знали бы меня в лицо. Видишь ли, Малыш, довольно неудобно

править страной двадцать лет, когда половину из них твое лицо выглядит вдвое моложе твоих же дворян. Так что я пользовалась магией, чтобы на данную деталь не обращали внимания.

– Цветы... пока я вижу только один цветок, стряпуха, которым ты могла бы торговать, – барон оскалился голодным шакалом. – Хочешь, куплю? Тут даже лицензия не потребуется.

И тут со мной случилось то, чего я совсем не ждала.

Я смотрела на это сытое, лоснящееся лицо, на перстни, впившиеся в жирные пальцы, на ленивую усмешку человека, для которого чужой труд и чужая нужда – пустой звук. В глубине, под печатью Александра, вновь зашевелились мои верные Тени.

Я знала таких, как он. О, как я их знала.

Когда-то давно, точно такие же холеные, насмешливые господа сидели за столом моих родителей. Улыбались, поднимали кубки, рассыпались в любезностях. А потом смотрели, не моргнув глазом, как мать с отцом корчатся на полу от яда, подмешанного в еду. Их лиц я почти не помнила – только звук, с которым их головы, тремя годами позднее, падали на плаху, но эту усмешку, эту сытую, уверенную в собственной безнаказанности усмешку я узнала бы из тысячи.

Печать под ребрами тут же отозвалась тупой, тянущей болью, предупреждая меня о глупости. Но в тот миг боль почти не отрезвляла. Мне хотелось – всего на одно короткое мгновение – спустить Тени с привязи и стереть эту усмешку вместе с ее обладателем, а заодно и всю эту скучающую свиту у дверей. Рука сама собой чуть приподнялась, чтобы в привычном жесте позвать мой верный посох.

И тут что-то теплое и тяжелое привалилось к моей ноге.

Адвад.

Брат выбрался из-под лавки, прижался к моей лодыжке всем своим кошачьим – пусть вовсе и не кошачьим – боком и заурчал. Он ничего не сказал. Да ему и не требовалось. Тени нехотя отступили, уползая обратно в темноту, из которой ненадолго выглянули. Печать унялась.

Я перевела дух. Рука вернулась к тряпке на поясе.

– Сколько стоит лицензия? – спросила я ровным голосом.

Барон удивленно приподнял брови. Должно быть, он не привык, чтобы стряпухи разговаривали с ним без благоговейного раболепия. На миг в его маленьких глазках мелькнуло что-то похожее на любопытство, но тут же погасло.

– А ты, я смотрю, девка образованная, – продолжил он, смакуя каждое слово. – В управе письмо грозилась написать и отправить. Сама, получается. Я вот, если честно, обученных грамоте женщин не люблю. Слишком быстро вы свое место забываете, – он поковырял мизинцем в зубах. – Ну да боги с тобой. Доброта меня когда-нибудь погубит. Так и быть. Продам тебе разрешение. Только, стряпуха, лицензия – дело весьма хлопотное. Бумаги, печати, согласования. Дорого встанет.

– Сколько?

– Гур, – он снова причмокнул, явно наслаждаясь происходящим. – Один гур, и торгуй себе на здоровье хоть розами, хоть лопухами. Хоть... ну, каждый живет, как может. Я не осуждаю.

В зале кто-то охнул. Гур за бумажку, дающую право торговать цветами в захолустном Зацветье, – это было даже не дорого. Это было откровенное издевательство, и все вокруг прекрасно это понимали. Барон прекрасно понимал, что в трактире, поднявшемся из руин всего пару месяцев назад, таких денег нет и быть не может. Он назвал цену не для того, чтобы решить вопрос. Он назвал ее, исключительно чтобы посмеяться.

И он посмеялся. Грузно поднялся, бросил на меня последний мимолетный взгляд – даже не взгляд, а так, скользнул глазами от подола юбки до горла – и двинулся к выходу. Свита потянулась следом, попутно гремя ногами.

У самой двери барон обернулся.

– Будут деньги – приходи, – бросил он через плечо. – А не будут – вари свою похлебку и не суйся, куда не звали, девка. Цветы – занятие для благородных, не для кухарок. Насколько бы грамотной эта кухарка, по ошибке богов, ни оказалась.

Дверь захлопнулась. Свита загоготала уже на улице. Их смех еще долго эхом звенел над темной улицей.

В зал медленно, нехотя возвращался прежний гомон. Гости переглядывались, качали головами, кто-то сочувственно цокал языком, кто-то вполголоса честил барона недобрым словом – но тихо, оглядываясь на дверь. Я стояла у стойки и молча оттирала и без того чистый край столешницы.

Гур.

Я смотрела на закрывшуюся дверь и думала о том, как причудливо все повернулось. Прежде одного моего взгляда хватило бы, чтобы от такого Тура осталось мокрое место, а его свита разбежалась бы, поджав хвосты. Прежде десятки князей несли мне дань, не смея поднять глаз. А теперь меня, Хозяйку Теней и Черного Пламени, пытался обобрать жадный провинциальный боров, пропахший сдобой. И самое скверное – он был в своем праве и, при этом, совершенно прав.

Тура у меня не было.

– Не бери в голову, барышня, – Марфа прошла мимо с подносом и, не глядя, обронила это себе под нос. – Боров и есть боров. И на намеки его не обращай внимания. Трус он. Трус и подлец.

Я не ответила.

Я не знала, что делать.

Можно было, конечно, копить – драб к драбу, с каждой миски, с каждой кружки, – но к празднику Солнца я бы не успела при всем желании, а после праздника затея теряла всякий смысл. Как минимум до праздника Услады, который отмечали во всей Империи. По моему же, опять, указу.

Я перебрала в уме все, что у меня было. Платить было нечем, заложить – нечего, а просить я, как ты уже знаешь, давно разучилась. Можно было плюнуть на цветы и дальше спокойно разливать похлебку, как и советовала Марфа. Так было бы и разумнее, и безопаснее. Но всякий раз, стоило мне об этом подумать, перед глазами вставал заглохший двор и, почему-то, лицо Луши, протягивающего мне свой нелепый сорняк.

Я знала, что уже не отступлю.

Я возилась в опустевшем зале до поздней ночи, гоняя эти мысли по кругу – взвешивая одни, отбрасывая другие, начиная заново, и не слышала, как сзади подошла Марфа.

– Держи, – коротко сказала она.

Я обернулась. Марфа стояла рядом, протягивая мне что-то. На загрубевшей, исчерченной вьезшейся мукой ладони тускло поблескивал гур. Один-единственный гур.

Старая привычка одернула меня прежде, чем я успела подумать. Почти двадцать лет я не брала ничего из чужих рук, так что моя рука сама собой замерла, так и не дотянувшись до ладони Марфы.

Но это был далеко не дар.

– В долг, – буркнула Марфа, по-своему истолковав мою заминку. – Не за твое смазливое лицо, барышня, не надейся. И не потому, что ты мне как-то особенно мила. Сад же на моем заднем дворе, правильно? Цветава мне отстегивала десятину, а с тебя треть буду брать. И, поверь, если увижу, что хоть драб от меня прячешь, колени палкой сломаю. И на улицу выкину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.